

Великолепное фэнтези. — Фил Гейман

ГОРОД, КОТОРЫМ МЫ СТАЛИ

премия
ЛОКУС

Н. К. ДЖЕМИСИН

FAN|ZON

Нора Кейта Джемисин
Город, которым мы стали
Серия «Fanzon. Fantasy World.
Лучшая современная фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70303927
Город, которым мы стали: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-195237-2

Аннотация

Лауреат премии Британской ассоциации научной фантастики и премии «Локус».

Финалист премий «Небьюла», «Хьюго» и Британской премии фэнтези.

Бестселлер по версии «Нью-Йорк Таймс».

Одна из 100 лучших книг фэнтези «всех времен» по версии журнала TIME.

Топ-100 обязательных к прочтению книг года по версии журнала TIME.

Одна из 15 лучших книг года по версии журнала Vanity Fair.

Одна из лучших книг года по версии Amazon.

Н. К. Джемисин создала новый невероятный роман – захватывающую историю о культуре, индивидуальности, магии и легендах современного Нью-Йорка.

В Манхэттене молодой аспирант сходит с поезда и осознает, что не помнит, кто он, но чувствует, как бьется сердце города, видит его историю и ощущает его мощь.

В Бронксе директор арт-галереи находит удивительные граффити, разбросанные по всему городу. Ей кажется, что эти прекрасные и сильные работы взывают к ней.

В Бруклине политик и по совместительству мать-одиночка замечает, что слышит, как город поет под перестук ее «Лабутенов».

И они – не единственные.

У каждого великого города есть душа. Одни древние, как легенды, другие – молодые и разрушительные, как дети.

А у Нью-Йорка их шесть.

«В романе мало кто из людей осознает, что крупные города на Земле – Лондон, Гонконг, Сан-Паулу и другие – живые. Когда Нью-Йорк решает присоединиться к этой группе избранных, пять горожан внезапно становятся аватарами одного из пяти боро – районов мегаполиса. Но, к сожалению, первое, с чем они сталкиваются – очень древний враг, который давно охотится на города, а теперь его мишенью стал новорожденный Нью-Йорк. К счастью, воплощения города быстро обнаруживают, что с большой ответственностью приходит и большая сила. Сверхъестественные бои на крышах такси, тайные станции

метро, политика городских служб и даже арт-галереи местных художников – все это переплетается друг с другом в живом послании – признании в любви к городу и его разнообразным обитателям. Джемисин завоевывала награды за свои предыдущие романы, но этот завоюет и сердца читателей». – *Amazon Book Review*

«Это великолепная фантазия, действие которой происходит в самом фантастическом из городов – Нью-Йорке. Она всеобъемлющая, что делает ее только лучше, а в ее основе можно услышать и Борхеса, и Лавкрафта, но уникальный голос и точка зрения принадлежит только самой Джемисин». – *Нил Гейман*

«Джемисин стала основой той фантастики, что поражает воображение смелостью повествования». – *Entertainment Weekly*

«Любовное послание, торжество, выражение надежды и веры в то, что город и его жители могут и будут противостоять тьме, страху и, если потребуется, встанут на защиту друг друга». – *NPR*

«Этот роман – безудержный восторг, веселое путешествие, призыв к действию и революция с обилием танцев. Завидуй, Лавкрафт!» – *Аликс Е. Харроу*

«Одна из самых захватывающих и мощных фантастических книг современности. Новый роман Джемисин привлечет внимание даже тех, кто не читает фэнтези». – *Booklist*

«Самый значительный писатель-философ своего поколения... Она так хороша». – *Джон Скальци*

«Песня любви и ненависти к родному Нью-Йорку. Яростная, поэтичная, бескомпромиссная». – *Kirkus*

«Удивительно изобретательное любовное письмо Нью-Йорку, касающееся всего мира. Талантливый ответ Лавкрафту, с симпатией и юмором. Своевременная и дерзкая аллегорическая история для нашего времени. Эта книга – все и даже больше». – *Ребекка Роанхорс*

«Джемисин показала душу Нью-Йорка так, как это могла сделать только писательница ее уровня. Это шедевр, который игнорирует все правила: красивый, музыкальный, жизнерадостно странный и настолько невозможно фантастический, насколько и очень правдивый». – *Пэн Шеперд*

«Без сомнения, одна из самых блестящих книг, которую я когда-либо читала. Это дань уважения Нью-Йорку, наполненная любовью и резкая, настолько невероятно изобретательная, что я почувствовала, как расширяются границы моего собственного воображения и возникает понимание того, каким может быть фэнтези». – *Шеннон А. Чакраборти*

«Величайший из ныне пишущих авторов фэнтези открывает свое сердце Нью-Йорку, и в результате получается роман, полный любви, ярости и невероятно убедительных персонажей, как того и заслуживает мой любимый город». – *Сэм. Дж. Миллер*

«Один из самых известных новых голосов в эпическом фэнтези». – *Salon.com*

Содержание

Пролог	15
Интерлюдия	45
Глава первая	48
Глава вторая	87
Глава третья	140
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Н. К. Джемисин

Город, которым мы стали

N.K. Jemisin

THE CITY WE BECAME

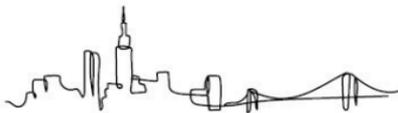
Copyright © 2020 by N.K. Jemisin

Fanzon Publishers An imprint of Eksmo Publishing House

© В. Юрасова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

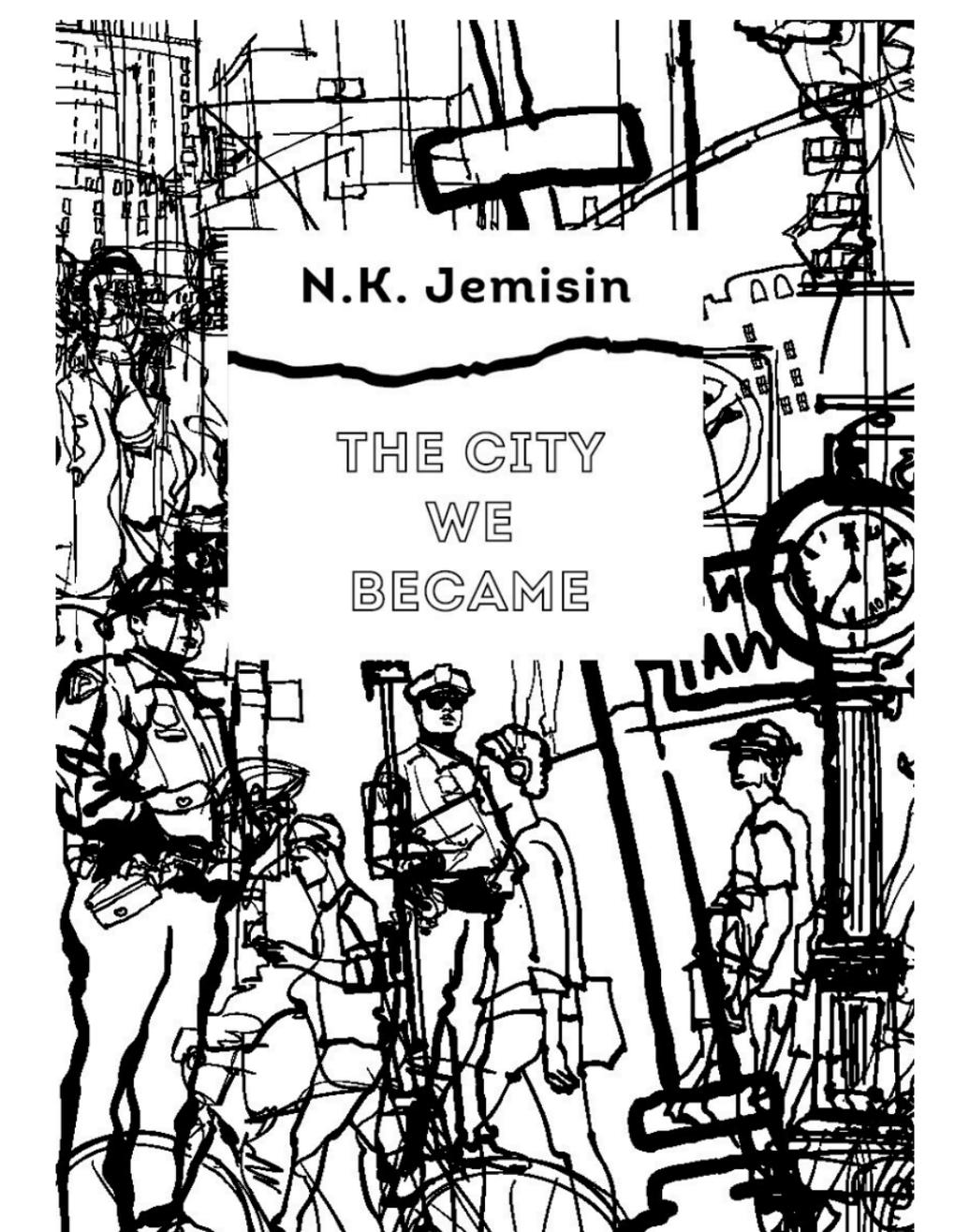
* * *

ВЕЛИКИЕ ГОРОДА

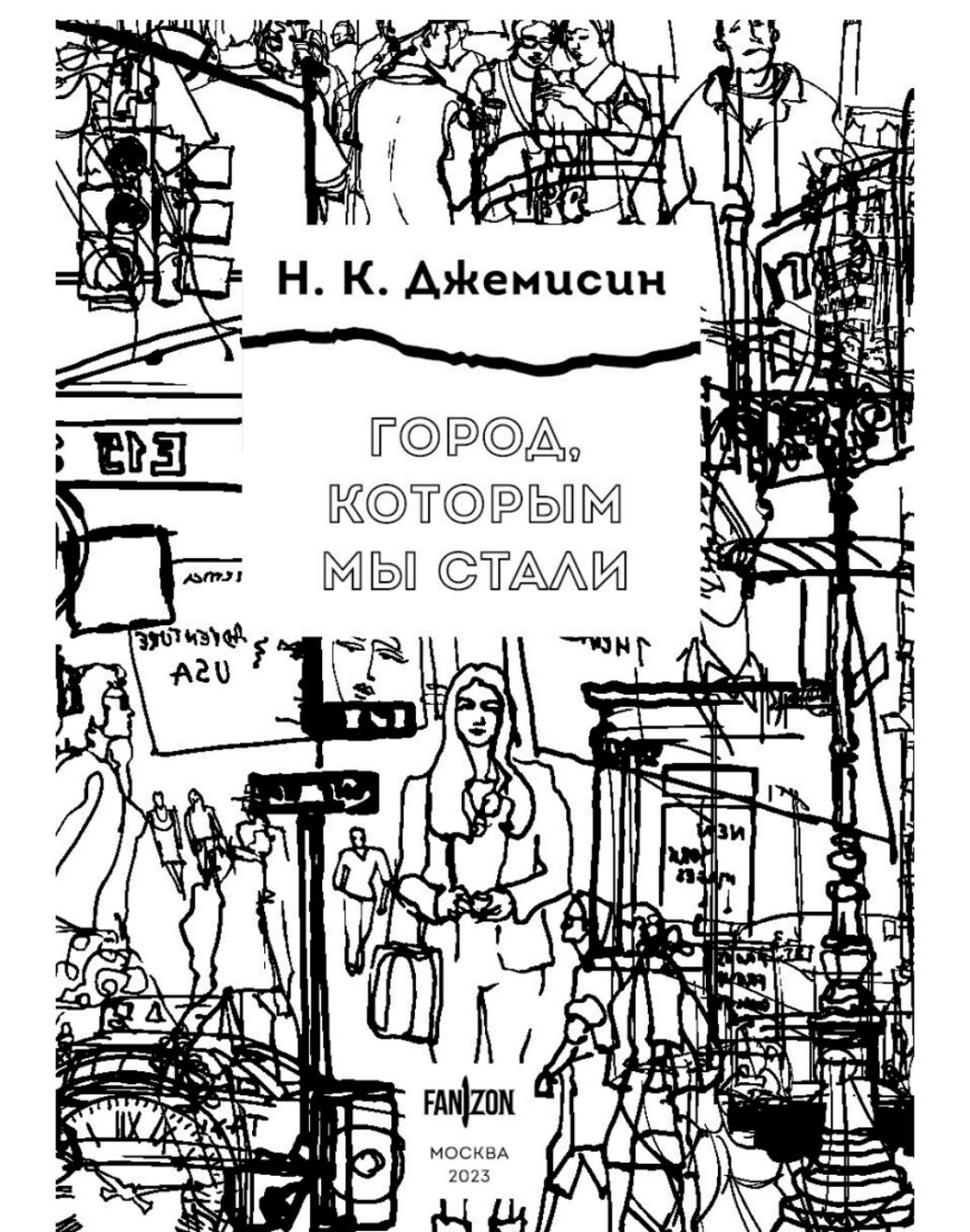
Город, которым мы стали

The World We Make

N.K. Jemisin

THE CITY
WE
BECAME

Н. К. Джемисун

ГОРОД,
КОТОРЫМ
МЫ СТАЛИ

FANZON

МОСКВА
2023

*Сродниться с Нью-Йорком можно за один миг;
за пять минут вы становитесь здесь своим так же,
как и за пять лет.*

Томас Вулф

Пролог

Видишь ли, как все было...

Я пою городу.

Чертов город. Я стою на крыше дома, в котором даже не живу, простираю руки в стороны, напрягаю диафрагму и бессмысленно вою на строящееся здание, которое загоразживает мне обзор. Хотя на самом деле я пою городскому пейзажу, раскинувшемуся за ним. Город поймет.

Светаает. Предрассветная влага липнет к джинсам, отчего они становятся склизкими – впрочем, может быть, дело в том, что их уже много недель никто не стирал. У меня хватает мелочи на стирку и сушку, но вот других штанов, в которые можно было бы влезть на время стирки, – нет. Наверное, вместо этого я зайду в «Гудвил» неподалеку, потрачусь на еще одни штаны... но позже. Сначала я закончу орать: «ААААааааААААаааа, – вдох, – ааааААААаааааааа», – и послушаю, как звук отражается от каждого фасада вокруг и возвращается ко мне. В моем воображении оркестр играет «Оду к радости», а на фоне битует Баста Раймс. Мой голос лишь связывает их воедино.

– Да хорош уже горлопанить! – кричит кто-то, так что я отвешиваю поклон и ухожу со сцены.

Однако, положив ладонь на ручку двери, что ведет

на лестницу, я останавливаюсь, оборачиваюсь, хмурюсь и прислушиваюсь, потому что на миг мне слышится далекий, негромкий душевный напев. Глубокий и басистый. Словно кто-то отвечает мне, почти застенчиво.

А совсем издалека до меня доносится кое-что еще: зарождающийся рык, негармоничный, режущий слух. Или, может быть, это просто вой полицейских сирен? Как бы там ни было, звук мне не нравится. Я ухожу.

* * *

– Все устроено определенным образом, – говорит Паулу. Этот паршивец снова курит. Я никогда не видел, чтобы он ел. Рот ему нужен только для сигарет, кофе и болтовни. А жаль, ротик-то у него ничего.

Мы сидим в кафе. Я пришел сюда с ним лишь потому, что он купил мне завтрак. Посетители косятся на него – по их стандартам Паулу недостаточно белый, но откуда он конкретно, им неясно. На меня они косятся, потому что я определенно черный и потому что дырки в моей одежде явно появились не ради моды. Ничем дурным от меня не пахнет, но эти люди за милю учуют всякого, у кого нет ни копейки на счете.

– Ага, – отвечаю я, откусываю сэндвич с яйцом и чуть не растекаюсь от удовольствия. Настоящее яйцо! Швейцарский сыр! Гораздо вкуснее той дряни, которую продают

в «Макдоналдсе».

Этот парень любит порассуждать. Мне нравится его акцент, совсем не похожий на испанский: он говорит немного в нос и шепелявит. У него огромные глаза, и я думаю: «Сколько бы мне всего сходило с рук, будь у меня всегда такой взгляд, как у щеночка». Но он, похоже, старше, чем кажется, – намного, намного старше. Седина лишь легонько тронула его виски, придавая ему солидности, но говорит Паулу так, будто ему лет сто.

Он тоже косится на меня, причем в его взгляде есть что-то непривычное.

– Ты слушаешь? – спрашивает он. – Это важно.

– Ну да, – говорю я и снова кусаю сэндвич.

Паулу подается вперед.

– Я тоже сначала не поверил. Конгу пришлось затащить меня в канализацию, прямиком в вонючую темноту, и показать мне растущие корни, прорезывающиеся зубы. Я всю свою жизнь слышал дыхание. И думал, что все его слышат. – Он замолкает. – Ты его уже слышал?

– Что слышал? – спрашиваю я, и ответ оказывается неверным. Не то чтобы я его не слушаю. Мне просто плевать.

Он вздыхает.

– Слушай.

– Да я *слушаю*.

– Нет. Тебе нужно слушать, но не меня. – Паулу встает, кидает на стол двадцатку – только делать этого не нужно,

потому что он уже заплатил за сэндвич и за кофе у стойки, а официантов в этой кафешке нет. – Встреться со мной здесь в четверг.

Я беру двадцатку, разглядываю, затем убираю ее в карман. Я бы переспал с ним и за сэндвич или просто за красивые глаза. Ну да ладно.

– Пойдем к тебе на квартиру?

Он хлопает глазами, затем его лицо становится сердитым.

– *Слушай*, – снова приказывает он мне и затем уходит.

Я остаюсь, стараюсь растянуть сэндвич на подольше, потягиваю оставшийся после него кофе, воображаю, что я нормальный, и наслаждаюсь этой фантазией. Я смотрю на людей, на то, как они одеты; на лету сочиняю стихотворение о богатой белой девушке, которая видит в своем кафе бедного черного паренька, и у нее случается экзистенциальный кризис. Я представляю, как произвожу впечатление на Паулу своей утонченностью, как он восхищается мной и не думает, что я – всего лишь тупой парнишка с улицы, который его не слушает. Я вижу, как возвращаюсь в чистенькую квартиру с мягкой кроватью и холодильником, битком набитым едой.

Затем в кафешку входит коп – жирный, красномордый тип, который заскочил сюда купить по бутылке пива себе и своему напарнику, оставшемуся в машине. Его безжизненные глаза обводят зал. Я воображаю, что мою голову окружает вращающийся цилиндр зеркал, от которых его взгляд отскакивает. Конечно, фантазии мне ничем не помогут; так

я просто пытаюсь унять свой страх, когда поблизости появляются чудовища. Но на этот раз, впервые в жизни, трюк срабатывает: коп оглядывается, но не замечает единственное в зале черное лицо. Повезло. Я ускользаю прочь.

* * *

Я рисую для города. Когда я еще учился в школе, к нам по пятницам приходил художник; он давал бесплатные уроки, объяснял перспективу, светотень и всю ту прочую ерунду, которую белые изучают в художественных школах. Только тот парень тоже туда ходил, и он был черным. Прежде я никогда в жизни не видел черного художника. Минуту мне казалось, что, может быть, и я смогу им стать.

Иногда у меня получается. Глубокой ночью, где-нибудь в Китайском квартале, я кружусь и ползаю раком по крыше. В каждой руке у меня аэрозольные баллончики, рядом – ведро краски для гипсокартона, которую кто-то выставил за порог после того, как покрасил свою гостиную в сиреневый цвет. Краской для гипсокартона лучше не увлекаться; она начнет отваливаться через пару дождей. Краска из баллончика подходит куда лучше, но мне нравится контраст двух текстур – жидкой черной на грубой сиреневой, с красным по краям черного. Я рисую дыру. Она похожа на глотку, которая не начинается ртом и не заканчивается легкими; она непрерывно дышит и заглатывает, но никак не может насы-

тяться. Ее никто не увидит, если не считать пассажиров самолетов, летящих к Ла-Гуардии с юго-запада, нескольких туристов, которые закажут вертолетный тур, и воздушной разведки нью-йоркской полиции. Мне плевать, что они увидят. Я рисую не для них.

Уже очень поздно. Я не нашел себе ночлег, но зато нашел, чем заняться, чтобы не уснуть. Не будь сейчас конец месяца, я бы пошел в метро, но копы, не выполнившие план, наверняка ко мне прицепятся. Впрочем, здесь тоже нужно быть осторожным: к западу от Кристи-стрит полно стукнутых на всю голову китайцев, которые любят воображать себя бандой, защищающей свою территорию. Так что я стараюсь не привлекать к себе внимания. Я худенький и темный, что тоже помогает остаться незамеченным. Черт, я всего лишь хочу рисовать, потому что во мне что-то сидит и рвется наружу. Мне нужно открыть эту глотку. Мне нужно, мне нужно... да. Да.

Когда я провожу последний черный штрих, раздается едва слышный, странный звук. Я замираю, недоуменно оглядываюсь... а затем глотка позади меня вздыхает. Мощный порыв влажного ветра щекочет мою кожу, поднимая на ней волоски. Мне не страшно. Ради этого я и рисовал, хотя и не понимал зачем, когда начинал. Я и сейчас не знаю, как понял. Но когда я поворачиваюсь, то вижу лишь краску на крыше.

Паулу надо мной не прикалывался. Ха. Или мама была права, и у меня всегда было что-то не то с головой.

Я подпрыгиваю и улюлюкаю от радости, хотя даже не знаю почему.

Следующие два дня я бегаю по всему городу и рисую везде дыхательные отверстия, пока наконец моя краска не заканчивается.

* * *

В день, когда я снова встречаюсь с Паулу, я так измотан, что спотыкаюсь и чуть не вваливаюсь в витрину кафешки. Он хватает меня за локоть и подтаскивает к скамье для посетителей.

– Ты слышишь, – говорит он, похоже, довольный.

– Я слышу кофе, – намекаю я, даже не пытаюсь подавить зевок. Мимо проезжает полицейская машина. Несмотря на усталость, я включаю воображение и представляю, что я ничтожество, недостойное их внимания, и что даже бить меня – только руки марать. Снова сработало – они проезжают мимо.

Паулу пропускает мой намек мимо ушей. Он садится рядом, и его взгляд на миг становится странным, словно он смотрит куда-то вдаль.

– Да. Городу дышится легче, – говорит он. – Ты хорошо потрудился, хотя тебя никто и не учил.

– Я старался.

Он, похоже, повеселел.

– Не понимаю, то ли ты мне не веришь, то ли тебе просто все равно.

Я пожимаю плечами.

– Я тебе верю. – А еще мне немного все равно, потому что я очень хочу есть. Мой живот урчит. У меня еще осталась та двадцатка, которую он мне дал, но с ней я пойду в Проспект-парк на церковную распродажу, о которой недавно слышал, куплю курицу, рис, овощи и кукурузный хлеб, и стоять все это будет меньше, чем чашка импортного латте.

Он опускает взгляд туда, где урчит мой живот. Ха. Я притворяюсь, что мне нужно потянуться, и чешу место над прессом так, чтобы приподнять край футболки. Однажды тот художник привел к нам на урок натурщика и показал небольшую полоску мышц над бедрами, которая называется «поясом Аполлона». Взгляд Паулу упирается прямо в нее. «Ну же, ну же, ловись-ловись рыбка. Мне нужно где-то переночевать».

Затем Паулу щурится и снова смотрит мне в глаза.

– Я уже и позабыл, – задумчиво, едва слышно говорит он. – Я почти... Как же давно это было. Когда-то, еще мальчишкой, я жил в *фавелах*.

– В Нью-Йорке с мексиканской едой туговато, – отвечаю я.

Он моргает и снова смотрит на меня так, словно я сказал что-то смешное. Затем его лицо становится серьезным.

– Этот город погибнет, – говорит он. Паулу не повышает голос, но это и не нужно – теперь я весь внимание. Еда, вы-

живание – все это кое-что для меня, да значит. – Если ты не научишься тому, чему я должен тебя обучить. Если ты не поможешь. Настанет время, и ты потерпишь поражение, и тогда этот город присоединится к Помпее, Атлантиде и десяткам других, чьи имена уже никто не помнит, хотя вместе с ними погибли сотни тысяч людей. Или же он родится мертвым, станет лишь оболочкой города, которая однажды, возможно, снова оживет, но на время искра его жизни угаснет, как это случилось с Новым Орлеаном. Как бы там ни было, *ты* все равно погибнешь вместе с ним. Ты – катализатор, который либо даст ему силу, либо приведет к уничтожению.

Он говорил о таких вещах с тех пор, как впервые появился. О местах, которые никогда не существовали, событиях, которые не могли происходить, о знамениях и предвестниках. Я считаю, что все это чушь собачья, ведь он рассказывает об этом *мне*, парнишке, чья родная мама вышвырнула его из дома и ежедневно молится о том, чтобы он сдох. Наверное, она меня ненавидит. Да сам *господь бог* меня ненавидит. А я ненавижу бога в ответ, так что с чего бы это ему выбирать меня ради какой-то великой цели? Но именно из-за него я и начинаю внимательно слушать, из-за бога. Даже если я во что-то не верю, это не значит, что оно не может испортить мне жизнь.

– Скажи, что мне сделать, – говорю я.

Паулу кивает; вид у него самодовольный. Думает, что взял меня на крючок.

– Ага. Значит, умирать тебе не хочется.

Я встаю, потягиваюсь; чувствую, как улицы вокруг меня удлиняются и становятся податливыми на все усиливающейся дневной жаре. Интересно, это происходит взаправду или только в моем воображении; или же все происходит взаправду, но я воображаю, что это как-то связано со мной?

– Да иди ты. Не в этом дело.

– Значит, даже на это тебе плевать. – Тонем голоса он намекает, что это вопрос.

– Дело не в том, что я не хочу умирать. – Когда-нибудь я окочурюсь с голоду, или замерзну одной зимней ночью, или подцеплю заразу, буду гнить, пока больницам не придется принять меня даже без денег и адреса прописки. Но пока я не протянул ноги, я буду петь, и рисовать, и танцевать, и трахаться, и плакать для города, потому что он мой. *Мой*, чтоб его. Вот почему.

– Дело в том, что я хочу *жить*, – заканчиваю я. Затем поворачиваюсь и смотрю на него в упор. Если Паулу не понимает, о чем я, то он может идти в задницу. – Скажи мне, что делать.

В лице Паулу что-то меняется. Теперь он слышит. Меня. Так что он встает и уводит меня прочь, чтобы преподать мне мой первый настоящий урок.

Урок таков: большие города похожи на живых существ; они рождаются, растут, стареют и, когда приходит их время, умирают.

Тоже мне новость, да? Всякий, кто хоть раз бывал в настоящем большом городе, так или иначе чувствует это. Все, кто живет вне городов и ненавидит их, – они не просто так чего-то боятся, большие города действительно *другие*. Они – бремя для мира, разрыв в ткани реальности, наподобие... наподобие черных дыр, наверное. Да. (Я иногда хожу в музеи. Там внутри классно, да и Нил Деграсс Тайсон красавчик.) Со временем в города стекается все больше и больше людей, они оставляют здесь свои странности, затем уходят, и их заменяют другие. Так разрыв увеличивается. В конце концов он становится настолько глубоким, что образует карман, соединенный... с чем-то... лишь тончайшей нитью из... чего-то. Из того, из чего сделаны города.

Тем не менее процесс запускается, и в этом кармане части города начинают множиться и обретать свои отличительные черты. Его канализационные коллекторы простираются в места, где нет необходимости в воде. В его трущобах прорезаются зубы, в его центрах искусств – когти. Самые обыкновенные процессы, вроде движения транспорта, строительства и тому подобного, начинают происходить ритмично. Ес-

ли записать их звуки и быстро воспроизвести в обратном порядке, они будут похожи на биение сердца. Город... оживает.

Но не все города достигают этой точки. Прежде на нашем континенте существовало несколько великих городов, но это было до того, как Колумб подгадил индейцам, так что нам пришлось начинать все сначала. Как и сказал Паулу, Новый Орлеан не смог ожить, но он не погиб окончательно, и это уже хорошо. Он может попробовать родиться снова. Мехико уже почти готов. Но Нью-Йорк – первый американский город, достигший этой точки.

Созревание может занять двадцать лет, или двести, или две тысячи, но в конце концов время придет. Пуповина перерезается, и город становится самостоятельным; теперь он способен стоять на нетвердых ногах и делать... ну, все, что, черт возьми, захочет делать живое, мыслящее существо, имеющее облик охрененно большого города.

Однако, как и всегда по законам природы, рядом таятся другие существа. Они ждут этого момента, желая пожить-ся новорожденной жизнью, сожрать ее целиком, наслаждаясь воплями.

Поэтому Паулу и пришел учить меня. Поэтому я могу сделать так, чтобы городу легче дышалось; могу размять и помассировать его асфальтовые конечности. Видите ли, я кто-то вроде акушера.

Я управляю городом. Я управляю им каждый чертов день.

Паулу отводит меня домой. Это просто чья-то съемная летняя квартира в Нижнем Ист-Сайде, но здесь я чувствую себя как дома. Я залезаю в его душ и съедаю немного еды из его холодильника, без спросу, просто чтобы посмотреть, что он сделает в ответ. Он не делает ровным счетом ничего, только закуривает сигарету – наверное, чтобы позлить меня. Я слышу полицейские сирены на улицах по соседству, частые, близкие. Почему-то мне приходит в голову, а не ищут ли они меня. Вслух я ничего не говорю, но Паулу видит, как я задержался. Он говорит:

– Предвестники Врага будут прятаться среди городских паразитов. Остерегайся их.

Он всегда несет такой загадочный бред. Кое-что я понимаю, например, когда он размышляет о том, что, возможно, у всего этого есть некая *цель*: у великих городов и у процесса, который их создает. А действия Врага – нападения в момент уязвимости; гнусные преступления, совершенные просто потому, что подвернулась такая возможность, – могут быть разминкой перед чем-то большим. Но порой Паулу несет откровенный бред, например, когда говорит, что мне стоит подумать о медитации. Как будто я стану лучше понимать потребности города, если начну заниматься йогой, как белые

девчонки.

– Да, йогой, как белые девчонки, – говорит Паулу, кивая. – Йогой, как индийские мужчины. Ракетболом, как биржевые маклеры; гандболом, как школьники; балетом и меренге. И будешь ходить в залы профсоюзов и галереи Сохо на Манхэттене. Ты станешь воплощением города с населением в миллионы человек. Тебе не нужно *превращаться* в этих людей, но знай, что они – часть тебя.

Я смеюсь.

– Ракетбол? Нет, чувак, эта хрень уж точно не «часть меня».

– Из всех город выбрал тебя, – говорит Паулу. – Их жизни зависят от тебя.

Может быть. Но я все время голоден и измотан, все время напуган, никогда не чувствую себя в безопасности. Пусть я ценен для других, но что в этом хорошего, если никто не ценит меня?

Он видит, что я больше не хочу разговаривать, поэтому встает и идет спать. Я падаю на диван и отключаюсь. Для остального мира я все равно что мертв. Мертв.

И мне снится *сон*, сон о темном месте под тяжелыми холодными волнами, где нечто скользкое пробуждается, распрямляется и направляется к устью Гудзона, где тот впадает в море. Прямоком ко *мне*. И я слишком слаб, слишком беспомощен, слишком скован страхом, чтобы сделать что-либо; я могу лишь дрожать под его хищным взглядом.

Что-то еще приходит издалека, с юга. (Все это не совсем реально. Все происходит где-то около тонкой пуповины, которая соединяет реальность города с реальностью мира. *Последствия* видны в мире, говорил Паулу. *Причина* же сосредоточена вокруг меня.) Оно становится между мной и пробудившимся нечто. Что-то необъятное защищает меня, но только сейчас, один-единственный раз, только здесь – впрочем, я чувствую, как далеко-далеко другие хмыкают, ворчат и становятся на изготовку. Предупреждают Врага о том, что он должен придерживаться правил, по которым всегда велась эта древняя битва. Ему не позволено нападать на меня так рано.

Мой защитник в этом нереальном сонном царстве огромен и раскидист; он – настоящая жемчужина, покрытая коркой грязи; от него разит крепким кофе и примятой травой футбольного поля, уличным шумом и знакомым сигаретным дымом. Он угрожающе демонстрирует балки, похожие на сабли; все длится лишь миг, но этого оказывается достаточно. Пробудившаяся тварь вздрагивает и неохотно отступает в свою холодную пещеру. Но она вернется. Так уж заведено.

Я просыпаюсь. Солнечный свет греет мне щеку. Что это было, просто сон? Спотыкаясь, я вхожу в комнату, где спит Паулу.

– Сан-Паулу, – шепчу я, но он не просыпается. Я забираюсь под его одеяло. Когда он пробуждается, то не тянется

ко мне, но и не отталкивает. Я даю ему понять, насколько я благодарен, и даю причину снова впустить меня сюда позже. С остальным придется подождать до тех пор, пока я не достану презервативы и он не вымоет свой рот-пепельницу. После я снова залезаю в душ, надеваю одежду, которую постирал в его раковине, и, пока он все еще храпит, выхожу вон.

Библиотеки – это безопасные места. Зимой в них тепло. Никто не станет возмущаться, что ты торчишь здесь весь день, если только ты не пялишься на детский уголок и не пытаешься посмотреть порно на компьютерах. Библиотека на Сорок второй авеню – та, что со львами, – отличается от остальных. Из нее нельзя выносить книги. Однако она тоже безопасная, так что я сажусь в угол и читаю все, до чего могу дотянуться: законы муниципального налогообложения, «Птицы Гудзонской долины», «Чего ждать, когда вы ждете ребенка в большом городе: издание для Нью-Йорка». Видишь, Паулу? Я же говорил, что слушаю.

Время уже близится к вечеру, и я выхожу на улицу. Люди сидят на ступеньках, смеются, болтают, корчат рожи, орудуя селфи-палками. У входа в метро стоят копы в бронежилетах; они демонстративно выпячивают свое оружие, чтобы туристы чувствовали, что Нью-Йорк им не угрожает. Я покупаю польскую сосиску и съедаю ее у ног одного из львов. У «Стойкости», не у «Терпения». Свои сильные стороны я знаю.

Наевшийся мяса, расслабленный, я думаю о всякой ерун-

де: например, о том, надолго ли Паулу позволит мне остаться у него и могу ли я воспользоваться его адресом, чтобы подать на какую-нибудь матпомощь. Поглощенный мыслями, я не смотрю по сторонам. Пока, наконец, по моему боку не пробегают ледяные мурашки. Не успев даже напрячься, я уже знаю, в чем дело, но снова поступаю беспечно и *поворачиваюсь, чтобы посмотреть...* Дурак, какой же я дурак, ведь знаю, что так делать нельзя; в Балтиморе копы сломали парню позвоночник лишь за то, что он встретился с одним из них взглядом. Но стоит мне посмотреть на тех, что стоят на углу напротив библиотеки, – на низкорослого бледного мужчину и высокую темноволосую женщину, одетых в темно-синюю, почти черную униформу, – я замечаю кое-что совсем странное, и мой страх ненадолго сменяется удивлением.

День стоит ясный, на небе ни облачка. Мимо копов проходят люди, и послеполуденное солнце оставляет под ними резкие, короткие, едва заметные тени. Но вокруг этих двоих тени сгущаются и клубятся, будто над ними висит их собственное бурлящее грозное облако. Я смотрю на них, и тот коп, что пониже, начинает... как бы *растягиваться*, его очертания слегка искажаются, пока один глаз не становится в два раза больше другого. На его правом плече медленно появляется припухлость, словно у него вывихнут сустав. Его спутница, похоже, ничего не замечает.

Оу-у-у, нет. Я встаю и начинаю пробираться через толпу

на ступеньках. Делаю то же, что обычно, пытаюсь отразить от себя их взгляд – но на этот раз все идет не так. Что-то похожее на липкие ниточки дешевой жвачки цепляется к моим зеркалам. Я *чувствую*, как копы начинают идти за мной следом, как нечто огромное и неправильное поворачивается ко мне.

Даже тогда я продолжаю сомневаться – все-таки многие настоящие копы точно так же источают волны садизма, – но рисковать я не собираюсь. Мой город беспомощен, он еще не родился, и рядом нет Паулу, который мог бы меня защитить. Я должен сам позаботиться о себе, как и всегда.

Я принимаю непринужденный вид, дохожу до угла и там сматываюсь – точнее, пытаюсь. Чертовы туристы! Они торчат не на той стороне тротуара, останавливаются, чтобы посмотреть на карты и сфотографировать всякую фигню, на которую всем остальным наплевать. Я так занят, мысленно обкладывая их трехэтажными матами, что забываю: опасность может исходить и от них. Когда я прохожу мимо, кто-то поднимает ор и хватает меня за руку. Я слышу мужской крик:

– Он пытался стащить ее сумочку!

Я стараюсь вырваться. «Собака, да я же и пальцем ничего не тронул», – думаю я, но уже слишком поздно. Я вижу, как другая туристка тянется к своему телефону, собираясь набрать девять один один. Сейчас все полицейские этого района начнут цепляться ко всем чернокожим парням всех

возрастов.

Мне нужно убраться отсюда.

Прямо передо мной стоит Центральный вокзал, манящий и обещающий спасение в недрах метро, но я вижу, что у входа околачиваются трое полицейских, и потому сворачиваю направо, чтобы двинуться по Сорок первой. Толпа редет за Лексингтон-авеню, но куда же мне податься? Я перебегаю Третью, не обращая внимания на поток машин – проскочить между ними нетрудно. Но я начинаю уставать, потому что я – тощий чувак, который вечно недоедает, а не звезда легкой атлетики.

Однако я продолжаю шагать вперед, даже несмотря на жжение в боку. Я чувствую, что *те* копы, *предвестники Врага*, идут за мной по пятам. Земля сотрясается от их неуклюжих шагов.

Примерно в квартале от меня воеет сирена, она приближается. Черт, скоро же саммит ООН; еще не хватало, чтобы меня стала пасти Секретная служба или что-то вроде нее. Я сворачиваю налево в переулок и спотыкаюсь о деревянный поддон. Снова повезло – полицейская машина проезжает мимо переулка как раз в тот момент, когда я падаю, и копы не замечают меня. Я пытаюсь отдышаться и не встаю, пока наконец шум двигателя не стихает вдали. Решив, что опасность миновала, я поднимаюсь. Оглядываюсь, потому что город съезживается вокруг меня, бетон дрожит и вздымается, и все, от земли до баров на крышах, говорит мне, чтобы я

поскорее шел дальше. «Иди. *Иди*».

Позади меня переулочек заполняет... какая-то... чертовщина? Мне не хватает слов, чтобы ее описать. У нее слишком много рук, слишком много ног, слишком много глаз, и все они в упор смотрят на меня. Где-то внутри этого скопления я мельком вижу темные кудри и русый ежик и внезапно осознаю, что это... это *нечто* на самом деле – мои два копа. Слившиеся в одно настоящее чудовище. Стены переулочка покрываются трещинами, и оно просачивается в узкое пространство.

– Ох. Твою ж мать. Нет, – выдыхаю я.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и бегу прочь. Из-за угла Второй авеню выезжает патрульная машина, но я не замечаю ее вовремя и не успеваю скрыться из виду. Громкоговоритель машины ревет что-то неразборчивое, наверное: «*Сейчас я тебя прикончу*», – и теперь я по-настоящему потрясен. Неужели они не видят тварь за моей спиной? Или им просто плевать, потому за нее они не смогут вытрясти себе премию из бюджета? Чтоб их, пусть они меня пристрелят. Всяко лучше, чем то, что собирается сделать это чудовище.

Я бросаюсь налево, на Вторую авеню. Полицейская машина не сможет поехать за мной по встречке, но это вряд ли остановит какого-то монстра, слепленного из двоих копов. Сорок пятая. Сорок седьмая, и мои ноги превращаются в расплавленный гранит. Пятидесятая, и я думаю, что сейчас умру. Еще не хватало заработать сердечный приступ

в столь юном возрасте; скажут: бедный ребенок, надо было есть больше органики, не нервничать так сильно и не злиться; ведь мир не сможет причинить тебе вреда, если ты просто не будешь обращать внимания на все, что с ним не так. По крайней мере, пока он тебя все равно не прикончит.

Я пересекаю улицу, на свой страх и риск оглядываюсь и вижу, как на тротуар выкатывается *некто*. У этой твари как минимум восемь ног, тремя или четырьмя руками она отталкивается от здания, чуть покачивается... а затем снова бросается прямо на меня. Это тот Мегакоп, и он нагоняет меня. «Черт, черт, черт, пожалуйста, нет».

Выход только один.

Сворачиваю направо. Пятьдесят третья, бегу против потока. Дом престарелых, парк, набережная... к черту, не годится. Пешеходный мост? Тоже к черту. Я направляюсь прямо к шести полосам дерьмового асфальта и выбоин, которыми славится магистраль ФДР, – не проходите мимо и не пытайтесь перейти пешком, если не хотите, чтобы вас размазало тонким слоем до самого Бруклина. Что за магистралью? Река Ист-Ривер, но до нее еще нужно дожить. Я настолько напуган, что готов рискнуть и попытаться переплыть эту воющую сточную канаву. Но, скорее всего, я рухну на третьей полосе, и меня успеют задавить раз пятьдесят, прежде чем кто-нибудь догадается нажать на тормоза.

За моей спиной Мегакоп издает причмокивающий, хриплый звук; он будто прочищает горло, чтобы что-то прогло-

тить. Я бросаюсь вперед, через ограждение, по траве и напрямиком в адово пекло; одна полоса, серебристая машина, вторая полоса, гудки, гудки, гудки, третья полоса, ТЯГАЧ С ПОЛУПРИЦЕПОМ, ЧТО СРАНЬЙ ТЯГАЧ ДЕЛАЕТ НА ФДР, ОН ЖЕ СЛИШКОМ ВЫСОКИЙ, ТУПОЙ ТЫ ДЯТЕЛ, ПОНАЕХАВШИЙ ИЗ КАКОЙ-НИБУДЬ ДЕРЕВНИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ШТАТА, визг, четвертая полоса, ЗЕЛЕНОЕ ТАКСИ, снова визг, малютка «Смарт» – ха-ха, какой милаха, – несущийся грузовик, шестая полоса, голубой «Лексус» задевает мою одежду, проносясь мимо, визг, визг, визг

визг

визг металла и шин, реальность растягивается, и никто не тормозит и не пытается объехать Мегакопа; ему не место здесь, на магистрали Франклина Рузвельта, на этой жизненно важной артерии, по которой переносятся питательные вещества, и сила, и энергия, и адреналин; машины здесь – это белые кровяные тельца, а эта тварь – раздражитель, инфекция, нарушитель, с которым город справляется решительно и беспощадно визг, и Мегакопа разрывают на куски полуприцеп, такси, «Лексус» и даже тот очаровательный «Смартик», которому приходится немного вильнуть в сторону, чтобы переехать особо живучий извивающийся ошметок. Я падаю на полоску травы, воздух выбит из моих легких, я дрожу, хриплю и беспомощно смотрю, как перемалывается дюжина конечностей, как давится две дюжины глаз и рот, больше похожий на распоротые пополам десны. Ош-

метки мерцают, как монитор, у которого закоротило AV-кабель, становятся то прозрачными, то снова обретают плотность, – но ФДР не остановить ничем, кроме, пожалуй, президентского кортежа или игры «Никсов», а эта тварь уж точно не Кармело Энтони. В считанные секунды от нее не остается ничего, кроме наполовину реальных пятен, размазанных по асфальту.

Я жив. Боже.

Какое-то время я плачу. Маминого дружка здесь нет, так что никто не влепит мне пощечину и не скажет, что я не мужик. Папа бы сказал, что это ерунда – раз ты плачешь, значит, ты жив, – но папа мертв. А я жив.

Мои ноги горят и подкашиваются; я заставляю себя подняться, но снова падаю. Все болит. Неужели меня все-таки хватил тот сердечный приступ? Меня тошнит. Все вокруг ходит ходуном и смазывается. Может быть, у меня инсульт. Не обязательно ведь быть стариком, чтобы он случился, верно? Спотыкаясь, я подбредаю к мусорному баку и задумываюсь, а не блевануть ли в него. Рядом на скамейке лежит старик – лет через двадцать я буду выглядеть так же, если столько протяну. Когда я начинаю давиться рвотными позывами, он приоткрывает глаз и осуждающе поджимает губы, будто смог бы напугать мусорный бак лучше меня.

Он говорит:

– Время пришло, – и поворачивается на другой бок, ко мне спиной.

Время. Внезапно я чувствую, что должен куда-то спешить. Неважно, что мне дурно, неважно, что я измотан, – что-то просто... тянет меня. На запад, к центру города. Я отталкиваюсь от бака, обнимаю себя руками и, дрожа и спотыкаясь, волочусь к пешеходному мосту. Пересекая полосы, которые я только что перебежал, я опускаю взгляд вниз, на мерцающие ошметки мертвого Мегакопа, раскатанного по асфальту сотней автомобильных колес. Некоторые кусочки все еще подергиваются, и мне это не нравится. Они – зараза, инородное тело. Я хочу от него избавиться.

Мы хотим от него избавиться. Да. Время пришло.

Я моргаю и внезапно оказываюсь в Центральном парке. Чтоб меня, как я сюда попал? Сбитый с толку, я прохожу мимо еще одной пары полицейских, но понимаю это, только когда вижу их черные ботинки. Впрочем, эти двое не обращают на меня внимания. А должны бы – на дворе июнь, а тощий парнишка дрожит, будто ему холодно. Даже если они просто уволочут меня с улицы, чтобы засунуть мне в задницу туалетный ершик, они должны хотя бы *заметить* меня. Но копы ведут себя так, словно меня здесь нет. Ральф Эллисон был прав: чудеса случаются, и улизнуть можно от любого нью-йоркского полицейского, аллилуйя.

Озеро. Мост Боу-Бридж – место перехода. Я останавливаюсь на нем, немного стою и понимаю... все.

Все, что рассказал мне Паулу, – это правда. Где-то за городом пробуждается Враг. Он послал своих предвестников,

и они потерпели неудачу, но город уже заражен. Эта зараза разносится каждой машиной, которая проезжает по Мегакопу, размазанному по дороге микроскопическим слоем, и так Враг получает возможность закрепиться здесь. При помощи этого якоря он вытаскивает себя из тьмы к нашему миру, к теплу и свету; к тому, кто бросает ему вызов, – ко *мне* и к новой, рождающейся сущности, к *моему* городу. Конечно, Враг бросает в атаку не все свои силы. Мне предстоит сразиться лишь с малой частью этого древнего, древнего зла, но и ее наверняка более чем хватит, чтобы убить одного ничтожного, измученного паренька, чей город даже не может его защитить.

Пока что не может. Время пришло. Или *придет*? Посмотрим.

На Второй, Шестой и Восьмой авеню у меня отходят воды. То есть трубы прорвало. Водопроводные. Да уж, беспорядок, вечером все вокруг встанет в пробках. Я закрываю глаза и вижу то, чего не видит больше никто. Я чувствую, как гнется реальность, меняются ее ритмы, ее возможности. Я протягиваю руку, хватаюсь за перила моста и чувствую ровный, сильный пульс, который проходит через них. «У тебя все получится, малыш. Все отлично».

Что-то начинает меняться. Я становлюсь большим, всеобъемлющим. Я чувствую, как упираюсь в небосвод; становлюсь тяжелым, как фундаменты города. Рядом со мной маячат другие, наблюдают – кости моих предков под Уо-

лл-стрит, кровь моих предшественников на скамейках Кристофер-парка. Нет, это *новые* другие, такие же, как я, грубые оттиски на ткани пространства и времени. Сан-Паулу сидит ближе всех ко мне, и его корни дотягиваются до костей мертвого Мачу-Пикчу. Он с мудрым видом наблюдает и слегка вздрагивает, когда вспоминает свое собственное рождение, трудное и произошедшее сравнительно недавно. Париж смотрит с отстраненным безразличием, немного оскорбленный тем, что первый город из нашей безвкусной страны выскочек прошел этот переходный период. Лагос ликует, видя нового парня, которому знакома суэта, шумиха и борьба. Здесь есть и другие, их много, и все они смотрят и ждут, станет ли их сегодня больше. Или нет. Как бы там ни было, они увидят, что я – *мы* – хотя бы на один блистательный миг стали великими.

– Мы справимся, – говорю я, стискивая поручень и чувствуя, как город сжимается. По всему городу люди слышат шелканье в ушах и недоуменно оборачиваются. – Еще немного. Давай же. – Я напуган, но спешить нельзя. «Lo que pasa, pasa...» – черт, теперь эта песня заела у меня голове, *во мне* и во всем остальном Нью-Йорке. А он весь здесь, как и сказал Паулу. Мы с городом больше ничем не разделены.

И когда небосвод содрогается, смещается и рвется, Враг, извиваясь, вырывается из глубин, и его рев соединяет наши реальности...

Но уже слишком поздно. Пуповина перерезана, и мы

у цели. Мы родились! Мы встаем, целые, здоровые и независимые, и наши ноги даже не дрожат. Мы справимся. Не клюй носом, когда имеешь дело с городом, который никогда не спит, сынок, и не смей тащить сюда свою дебильную потустороннюю хрень.

Я поднимаю руки, и авеню подпрыгивают. (Причем это происходит в действительности, хотя и не совсем. Земля содрогается, и люди думают: «Гм, что-то в метро сегодня укачивает больше обычного».) Я встаю поустойчивее, и мои ноги становятся балками, сваями и плитами фундаментов. Тварь из глубин визжит, а я смеюсь, ощущая головокружение и послеродовой всплеск эндорфинов. «Ну давай, нападай». Тварь бросается на меня, и я толкаю ее автомагистралью Бруклин-Куинс, как бедром; бью наотмашь парком Инвуд-Хилл, прикладываю локтем Южного Бронкса. (В вечерних новостях потом сообщат об обрушениях на десяти строительных площадках. Как же плохо в городе соблюдается техника безопасности, ой как плохо.) Враг пробует потрясти передо мной какой-то извивающейся дрянью – сколько же у него щупалец? – так что я рычу и вгрызаюсь в них, ведь в Нью-Йорке суши жрут не меньше, чем в Токио, с ртутью там и всякой дрянью.

«Ой, а что это мы заплакали? Убежать захотели? Ну уж нет, сынок. Ты пришел не в тот город». Я топчу тварь всей тяжестью Куинса, что-то внутри нее надламывается, и переливчатая кровь брызжет на мироздание. Тварь потрясена,

ведь ей уже несколько столетий никто не причинял настоящую боль. Она яростно налетает на меня в ответ, и я не успеваю отразить удар. Из места, которое невидимо для большей части жителей города, из ниоткуда возникает щупальце длинной с небоскреб, которое с размаху врезается в гавань Нью-Йорка. Я кричу, падаю, слышу, как хрустят мои ребра, и – нет! – сильное землетрясение впервые за десятилетия сотрясает Бруклин. Вильямсбургский мост изгибается и разрывается напополам, как хворостина; Манхэттен стонет и трещит по швам, но не поддается. Я чувствую смерть каждого погибшего там, как свою собственную.

«Да я тебя за это урою, мразь», – не-думаю я. Ярость, горе и жажда мщения мутят мой рассудок и ввергают в бешенство. Боль – это мелочь, мне не впервой. Мои ребра скрипят и стонут, но я заставляю себя выпрямиться и расставляю ноги пошире. Затем я одновременно обрушиваю на Врага радиацию Лонг-Айленда и токсичные отходы Говануса, которые жгут его, как кислота. Тварь снова воеет от боли и отвращения, но знаешь что? *Иди ты к черту, тебе здесь не место, это мой город, убирайся!* Чтобы урок запомнился, я режу мразь поездами с железной дороги Лонг-Айленда, длинными гудящими составами, а затем, чтобы сделать побольнее, посыпаю эти раны солью из воспоминаний об автобусной поездке в Ла-Гуардию и обратно.

А чтобы тварь не зарывалась, я бью ее Хобокеном наотмашь по заднице, обрушивая на Врага ярость десяти тысяч

бухих чуваков, как божий молот. Портовое управление считает этот район почетной частью Нью-Йорка, ублюдков, и тебя только что уделали по-джерсийски.

Враг – такая же неотъемлемая часть природы, как и любой город. Остановить процесс нашего становления невозможно, и невозможно полностью изничтожить Врага. Я лишь покалечил малую его часть – но отделал я эту часть будь здоров, не сомневайтесь. Что ж, хорошо. Если когда-нибудь придет время для нашей последней схватки, он дважды подумает, прежде чем снова нападать на меня.

На меня. На нас. Да.

Когда я расслабляю руки и открываю глаза, то снова вижу Паулу. Он идет ко мне по мосту, и во рту у него очередная сигарета. На миг передо мной опять предстает его истинный вид: просторный город из моего сна, со сверкающими шпилями, вонючими трущобами и украденными, неумолимо переиначенными ритмами. Я знаю, что он тоже видит меня во всей красе, мои сверкающие огни и суету. Может быть, он всегда это видел, но теперь в его взгляде сверкает *восхищение*, и мне это нравится. Он подходит, дает мне опереться о себя и говорит:

– Поздравляю.

Мои губы растягиваются в широченной улыбке.

Я живу городом. Он процветает, и он мой. Я достоин быть его аватаром. Теперь мы вместе, и мы никогда не будем жить в стра...

ой, черт

что-то мне нехорошо.

Интерлюдия

Аватар валится с ног и, несмотря на попытки Сан-Паулу подхватить его, падает на старый деревянный настил моста. И новорожденный Нью-Йорк содрогается посреди своего триумфа.

Паулу приседает на корточки рядом с лежащим без сознания парнишкой, рядом с воплощением, голосом и защитником Нью-Йорка, а затем хмуро смотрит на небо, которое начинает мерцать. Сначала он видит полуденную туманную синеву северо-восточных небес, какими они бывают в июне, затем небо тускнеет, становится красноватым, почти закатным. Пока он смотрит, прищурившись, деревья Центрального парка тоже начинают мигать, а вместе с ними вода и сам воздух. Яркие, они темнеют, затем снова становятся ярче; по ним проходит рябь, затем они замирают и снова рябят; дует влажный ветерок, затем воздух перестает двигаться и пахнет едким дымом, и снова поднимается влажный ветерок. Через миг аватар исчезает с рук Паулу. Он уже видел нечто подобное раньше и на мгновение замирает в ужасе – но нет, город не погиб, слава богу. Паулу ощущает вокруг его присутствие и жизнь... но присутствие это чувствуется гораздо слабее, чем должно. Город не родился мертвым, но и здоровым его тоже не назвать. Возникли послеродовые осложнения.

Паулу достает телефон и набирает заграничный номер. Тот, кому он звонит, снимает трубку после первого же гудка. Слышится вздох.

– Этого-то я и боялся.

– Значит, все как с Лондоном, – говорит Паулу.

– Трудно сказать. Но да, пока что похоже на Лондон.

– И сколько их, как думаешь? Вся агломерация простирается на три штата...

– Не строй догадки. Их просто больше обычного, а остальное тебя не должно волновать. Найди одного. А он уже сам разыщет остальных. – Пауза. – Ты ведь понимаешь, что город все еще уязвим. Поэтому он его и забрал, чтобы сберечь.

– Я знаю. – Паулу поднимается на ноги, потому что мимо вот-вот промчится парочка бегунов. За ними едет велосипедист, хотя эта тропа предназначена только для пешеходов. По соседней дорожке проезжают три машины, хотя эта часть Центрального парка предназначена только для пешеходов и велосипедистов. Город продолжает жить и противоречить самому себе. Паулу ловит себя на том, что ищет в окружающих людях признаки опасности: изуродованную плоть, тех, кто стоит слишком неподвижно или смотрит слишком пристально. Пока все чисто.

– Враг был сокрушен, – рассеянно говорит он в трубку. – Битва прошла... решительно.

– Все равно не теряй бдительности. – Голос замолкает, и слышится хриплый кашель. – Город *ожил*, так что

он не беспомощен. Помогать тебе он, конечно, не станет, но своих узнает. Заставь их действовать быстро. Нельзя, чтобы город вот так застрял на полпути, ни к чему хорошему это не приведет.

– Я буду осторожен, – говорит Паулу, все еще внимательно глядя по сторонам. – Приятно знать, что ты волнуешься за меня. – В ответ слышится циничная усмешка, однако Паулу все же улыбается. – Есть предположения, где можно начать поиски?

– Для начала можешь заглянуть на Манхэттен.

Паулу сжимает пальцами переносицу.

– А поконкретнее? Манхэттен очень большой.

– Значит, тебе стоит начать прямо сейчас, не так ли? –

Раздается шелчок, и связь обрывается. Паулу раздраженно вздыхает, поворачивается и принимается за свое задание с чистого листа.

Глава первая

Вначале был Манхэттен и битва на магистрали ФДР

Он забывает свое имя где-то в туннеле на пути к Пенсильванскому вокзалу.

Поначалу он этого не замечает. Слишком занят ерундой, которой обычно заняты люди, подъезжающие к своей станции: убирает бутылку и пакет с крендельками, которыми только что позавтракал, пьет воду из пластиковой бутылки, засовывает выпавший провод от блока питания ноутбука в карман сумки, проверяет, снял ли второй чемодан с верхней полки, испытывает приступ паники, а потом вспоминает, что чемодан у него лишь один. Второй отправился вперед него в Инвуд, где его уже ждет сосед по квартире, приехавший несколькими неделями ранее. Они оба поступили в аспирантуру в...

...В... ГМ...

...ха. Он забыл название своего универа. Ну да ладно, вводные лекции начнутся только в понедельник, так что у него еще будет пять дней, чтобы устроиться и привыкнуть к новой жизни в Нью-Йорке.

Судя по всему, эти дни будут очень кстати. Поезд начинает сбавлять скорость, люди негромко болтают и перешеп-

тываются, с озабоченными лицами смотрят в свои телефоны и планшеты. Кажется, на каком-то мосту что-то произошло – теракт, как одиннадцатого сентября. Он-то будет жить и работать в центре города, так что его это почти не коснется, но все же, возможно, сейчас не лучшее время переезжать сюда.

Впрочем, разве для того, чтобы начать новую жизнь в Нью-Йорке, бывает подходящее время? Ничего, он переживет.

И даже больше, чем переживет. Поезд останавливается, и он первый выходит из дверей. Он испытывает радостное предвкушение, но старается не подавать виду. В городе он будет совершенно один, либо пойдет на дно, либо выкарабкается – но зависит это лишь от него самого. Некоторые из его коллег и родных считают это изгнанием, думают, что он брошен на произвол судьбы...

...впрочем, в тот сумбурный миг он не может вспомнить ни имен этих людей, ни их лиц...

...но это и неважно, поскольку они не могут его понять. Они знают его таким, каким он был, и, может быть, таким, какой он теперь. Но Нью-Йорк – это его будущее.

На платформе жарко, а на эскалаторелюдно, однако он чувствует себя замечательно. Поэтому то, что происходит дальше, так удивительно: едва он поднимается и сходит с эскалатора, едва его нога касается бетонного пола, как вдруг весь мир выворачивается наизнанку. Все кренится вбок пе-

ред его глазами, уродливые лампы на потолке становятся слишком яркими, а пол как будто... вздымается? Все происходит быстро. Мир выворачивается наизнанку, его желудок сжимается, а уши наполняет титанический многоголосый рев. Звук отчасти ему знаком; всякий, кто бывал на стадионе во время большой игры, слышал нечто подобное. Над Пенсильванским вокзалом располагается Мэдисон-сквер-гарден, может быть, дело в этом? Вот только этот шум кажется гораздо более масштабным. Словно режут миллионы людей вместо тысяч, и все эти голоса сплетаются друг с другом, ширятся, наслаиваются, выходя за пределы звукового диапазона, становятся цветом, дрожью, эмоциями. Наконец он зажимает уши руками и зажмуривается, но шум не стихает...

Однако среди этой какофонии нитью проходит один повторяющийся мотив, слова и мысль. Один голос, который яростно кричит:

«Иди ты к черту, тебе здесь не место, это мой город, убирайся!»

Он озадачен и с ужасом думает: «Я? Неужели... это мне здесь не место?» Ответа нет, и сомнения внутри него начинают бить свой собственный ритм, игнорировать который становится невозможно.

Внезапно рев стихает. Его сменяет новый, он раздаётся ближе и гораздо тише. Отчасти его составляет запись орущих над головой громкоговорителей: «Поезд из Нью-

Джерси, следующий в южном направлении, останавливается в аэропорту Ньюарк. Посадка производится на пятом пути». Остальное – всего лишь шум огромного зала, полного людей, спешащих по своим делам. Когда в его глазах проясняется, он вспоминает: Пенсильванский вокзал. Он не помнит, как упал на одно колено под вывеской с расписанием поездов и почему закрыл лицо трясущейся рукой. Разве он не ехал по эскалатору? А еще он не помнит, чтобы когда-либо видел двоих человек, присевших перед ним на корточки.

Он хмурится, глядя на них.

– Вы что, только что сказали мне убраться из города?

– Нет. Я сказала: «Вы хотите, чтобы я позвонила в девять один один»? – отвечает женщина и протягивает ему воду. Она смотрит скорее с сомнением, а не с тревогой, будто он притворяется, что потерял сознание или словил припадок, рухнув посреди вокзала.

– Я... нет. – Он мотает головой, пытаясь сосредоточиться. Ни вода, ни полиция не помогут ему избавиться от странных голосов в голове, или от галлюцинаций, вызванных выхлопами поездов, ну или что там на него подействовало. – Что случилось?

– Да ты просто завалился в сторону, – говорит склонившийся над ним мужчина – грузный бледнокожий латинос средних лет. У него добрый голос с заметным нью-йоркским акцентом. – Мы тебя поймали и отвели сюда.

– О. Вот как. – Он все еще ощущает себя странно. Мир

больше не кружится, но тот ужасный многослойный рев все еще гудит в его голове; он лишь стал тише, заглушенный окружающей какофонией, вечно царящей на Пенсильванском вокзале. – Я... кажется, в порядке?

– Что-то ты не очень в этом уверен, – говорит мужчина.

Так он и не уверен. Он мотает головой, затем снова мотает ею, когда женщина подносит бутылку с водой поближе.

– Я только что пил в поезде.

– Может, у вас сахар упал? – С задумчивым видом она убирает бутылку. Он запоздало замечает девочку, которая сидит рядом с женщиной на корточках. Они похожи почти как две капли воды: обе черноволосые веснушчатые азиатки с честными лицами. – Когда вы в последний раз ели?

– Минут двадцать назад, наверное? – Он не ощущает ни тошноты, ни слабости. Он чувствует себя... – Новым, – негромко произносит он вслух не подумав. – Я чувствую себя... новым.

Грузный мужчина и азиатка переглядываются, а девочка критически смотрит на него, даже приподняв одну бровь.

– *Новым?* Ты только приехал в город, что ли? – спрашивает грузный мужчина.

– Ну да? – О нет. – Мои вещи! – Но они тоже здесь; добрые самаритяне забрали с эскалатора и их, положив поблизости, в стороне от основного потока людей. На миг происходящее кажется ему сюрреалистичным; до него наконец доходит, что помутнение рассудка настигло его в толпе, среди тысяч че-

ловек. Однако, похоже, кроме этих двоих, его никто не замечает. Он чувствует себя одиноким в этом городе. Но все же кто-то увидел, что он в беде, и позаботился о нем. К этому контрасту придется привыкнуть.

– Вам, должно быть, где-то перепала отменная дурь, – говорит женщина. Впрочем, она широко улыбается. Это ведь хорошо, да? Значит, она не станет звонить в девять один один. Он вспоминает, что где-то читал, будто в Нью-Йорке принят закон о принудительном лечении, по которому людей неделями удерживают в психушке. Было бы неплохо убедить его спасителей в том, что у него все в порядке с головой.

– Простите, – говорит он, поднимаясь на ноги. – Наверное, я и правда маловато поел или еще что-то случилось. Я... пойду обращусь в неотложную помощь.

Затем все повторяется снова. Станция уходит у него из-под ног... и внезапно оказывается в руинах. Вокруг ни единой души. Картонная подставка с книжными новинками, стоявшая перед круглосуточным магазином, опрокинута, вокруг раскиданы книжки Стивена Кинга. Он слышит, как вокруг него стонут несущие балки здания, как штукатурка и бетон осыпаются на пол и как трескается потолок. Флуоресцентные лампы мигают и дергаются, одна даже грозит свалиться с потолка. Он делает вдох, чтобы закричать, предупредить.

Моргает – и все опять в порядке. Никто из окружающих его людей ничего не заметил. Еще секунду он смотрит на по-

толок, затем снова переводит взгляд на мужчину и женщину. Они все еще смотрят на него. Они заметили, как он реагировал на то, что видел, но сами не видели разрушенную станцию. Грузный мужчина придерживает его за руку – видимо, он несколько нетвердо стоял на ногах. Психические припадки, наверное, здорово расшатывают вестибулярный аппарат.

– Лучше бери с собой бананы, – советует грузный мужчина. – В них есть калий. Полезно для здоровья.

– Или хотя бы нормальной еды, – соглашается с ним женщина, кивая. – Вы, наверное, просто чипсами закинулись, правда? Мне, конечно, тоже не нравится та дорогущая мерзость, которой кормят в вагоне-ресторане, но так вы хотя бы не будете валиться с ног.

– А мне нравятся хот-доги, – говорит девочка.

– Они ужасные, но я рада, что они тебе нравятся. – Женщина берет девочку за руку. – Нам пора. Вам уже лучше?

– Да, – говорит он. – Правда, большое вам спасибо за помощь. Я так много слышал о том, какие ньюйоркцы неприступные сволочи, но... спасибо.

– Да бросьте, мы обходимся по-скотски только с теми, кто по-скотски обходится с нами, – говорит женщина, улыбаясь при этом. Затем она и девочка уходят прочь.

Грузный мужчина хлопает его по плечу.

– Ну чего, ты, кажется, ноги протягивать не собираешься. Хочешь, я принесу тебе что-нибудь поесть или сока какого-нибудь? Или банан? – подчеркивая тоном последнее сло-

во, прибавляет он.

– Нет, спасибо. Мне правда уже лучше.

Грузный мужчина с сомнением смотрит на него, затем ему в голову приходит новая мысль, и он моргает.

– Если у тебя денег нет, так это ничего страшного. Я заплачу.

– О, нет. Нет. С этим все в порядке. – Он приподнимает свою сумку, которая, если он правильно помнит, стоит почти тысячу шестьсот долларов. Грузный мужчина непонимающе смотрит на нее. Упс. – Гм, тут, наверное, есть сахар... – В сумке лежит стеклянный стакан из «Старбакса», в котором еще что-то едва слышно плещется. Он пьет, чтобы успокоить мужчину. Кофе уже холодный и мерзкий на вкус. Он запоздало вспоминает, что наливал его сегодня утром, перед тем как сесть на поезд...

...

Тут он осознает, что не помнит, откуда приехал.

И, как ни пытается, не может вспомнить, в какой университет поступил.

А затем он вдруг резко осознает, что *не знает собственного имени*.

Он стоит, потрясенный этим внезапным тройным откровением, а грузный мужчина тем временем морщит нос, глядя на стакан.

– Купи себе на станции нормальный кофе, – говорит он. – Из хорошей пуэрториканской кофейни, ладно? И заодно по-

ешь хорошей домашней еды. Кстати, как тебя зовут?

– Ой, хм... – Он потирает шею, делает вид, что ему нужно срочно потянуться, и тем временем молча впадает в панику, оглядывается и пытается что-нибудь придумать. Ему не верится, что с ним это происходит. Это каким кретином надо быть, чтобы позабыть собственное имя? Из придуманных ему в голову приходят самые обычные вроде Боба или Джимми. Он уже почти готов назваться «Джимми», как вдруг его мечущийся взгляд цепляется за какое-то слово.

– Я, эм-м, Мэнни, – выпаливает он. – А вы?

– Дуглас. – Грузный мужчина упирает руки в боки и явно о чем-то размышляет. Наконец он достает из своего бумажника визитку и протягивает ее. «Дуглас Ачеведо, сантехник».

– Ох, извините, у меня еще нет визитки, я пока не приступил к новой работе...

– Да ничего, – говорит Дуглас. Он все еще задумчив. – Слушай, многие из нас когда-то приехали сюда впервые. Если тебе что-нибудь понадобится, ты дай мне знать, ладно? Я серьезно, мне не трудно помочь. Пустить переночевать, накормить, указать дорогу к хорошей церкви или еще что.

Какая невероятная доброта. «Мэнни» даже не скрывает удивления.

– Ого. Я просто... ничего себе. Вы ведь меня совсем не знаете. Может, я серийный маньяк-убийца или бандит какой-то.

Дуглас усмехается.

– Ну да, только не похож ты на жестокого человека, парень. Ты похож... – Он замолкает, а затем его лицо немного смягчается. – Ты похож на моего сына. Я помогаю тебе так, как хотел бы, чтобы помогли ему. Понимаешь?

Мэнни почему-то понимает: сына Дугласа уже нет в живых.

– Да, понимаю, – негромко говорит Мэнни. – Еще раз спасибо.

– *Está bien, mano, no te preocupes*¹. – Тогда он машет ему рукой и уходит в сторону пересадки на нужную ему ветку метро.

Мэнни провожает его взглядом, кладет в карман визитку, и ему в голову приходят сразу три мысли. Первая: он запоздало осознает, что грузный мужчина принял его за пуэрториканца. Вторая: возможно, ему все же придется воспользоваться гостеприимством Дугласа и переночевать у него, особенно если в следующие несколько минут он не сможет вспомнить свой адрес.

А третья мысль заставляет его поднять глаза на табло прибытия и отбытия поездов, где он нашел слово, которое стало его новым именем. Он не назвался Дугласу полностью, потому что в наше время только белые женщины могут так называть своих детей, и над ними никто не посмеется. Но даже в сокращенном виде это слово, это *имя*, кажется ему бо-

¹ «Да не за что, парень, не за что» (исп.).

лее истинным, чем любое другое, каким бы он ни назывался прежде. Пусть он и не осознавал этого, он всегда был именно им. Такова его суть. И больше ему ничего не нужно.

Полностью слово гласит: «*Манхэттен*».

* * *

В туалете под газоразрядными лампами он впервые встречается с самим собой.

Лицо у него хорошее. Он делает вид, что очень тщательно моет руки – в вонючем общественном туалете Пенсильванского вокзала это даже необходимо, – и поворачивает голову туда-сюда, рассматривая себя со всех сторон. Понятно, почему Дуглас принял его за пуэрториканца: у него желтовато-коричневая кожа, волосы курчавые, но вьются не сильно, так что, если Мэнни отпустит их подлиннее, они станут прямее. Он, может быть, и правда сошел бы за сына Дугласа. (Только вот Мэнни не пуэрториканец. Уж это он точно помнит.) Одет он опрятно: брюки цвета хаки, рубашка на пуговицах с закатанными рукавами, поверх сумки перекинута спортивная куртка – наверное, на тот случай, если где-то будет слишком сильно работать кондиционер, ведь сейчас лето и на улице, наверное, градусов девяносто². На вид точно не скажешь, сколько ему лет – он находится где-то в том

² 90 °F ≈ 32 °C. (Прим. перев.)

нестареющем промежутке между «уже не ребенок» и тридцатью. Впрочем, похоже, ему уже ближе к тридцатнику, если судить по паре случайных седых волосинок в его шевелюре. Карие глаза, очки в темно-коричневой оправе. Из-за них он смахивает на профессора. Острые скулы, резкие ровные черты лица, вокруг рта уже закладываются морщинки. Он симпатичный. Типичный американский парень (только не белый), приятного, невыдающегося вида.

«Удобно», – думает Мэнни. Затем задумывается, почему он так подумал, и замирает, прекратив мыть руки и хмурясь.

Так, ладно, не до этого сейчас. С ним и так происходит достаточно странного. Он хватается за свой чемодан и шагает к выходу из туалета. Пожилой мужчина у писсуара все это время сверлит его взглядом.

Наверху следующего эскалатора – того, который выходит к Седьмой авеню, – у него случается третий приступ. Отчасти он проходит легче предыдущих, а отчасти тяжелее. Поскольку Мэнни чувствует, как приближается волна... чего-то, он успевает сойти с эскалатора, схватить чемодан и отойти в сторонку, к цифровому информационному стенду. Он прислоняется к нему, и его пробивает дрожь. На этот раз галлюцинаций нет – поначалу, – но ему внезапно становится *больно*. Ужасное, холодное, отвратительное ощущение расходится от одной точки в его левом боку, где-то внизу. Ощущение кажется ему знакомым. Он чувствовал себя так же, когда его ударили ножом в прошлый раз.

(Погодите-ка, его *били ножом?*)

Мэнни испуганно задирает рубашку и смотрит туда, где боль сильнее всего, но не видит крови. Не видит вообще ничего. Рана есть только в его воображении. Или... где-то еще.

Словно призванный его мыслями, Нью-Йорк, который видят все, исчезает, уступая место Нью-Йорку, который видит только Мэнни. Хотя нет, на самом деле они оба здесь, один слегка накладывается на другой, и восприятие Мэнни переключается между ними, пока наконец реальность не становится двойной. Перед собой Мэнни видит две Седьмые авеню. Их легко отличить друг от друга, потому что они изображены разными палитрами цветов, отражают разные настроения. На одной он видит сотни людей, десятки машин и по меньшей мере шесть сетевых магазинов, названия которых ему знакомы. Обыкновенный Нью-Йорк. На другой же людей нет, а город пострадал от какой-то непостижимой катастрофы. Мэнни не видит тел или чего-нибудь зловещего; просто вокруг нет ни единой души. Даже неясно, жил ли здесь кто-либо когда-то. Возможно, здания просто возникли сами собой, выросли целиком прямо из фундаментов, и их никто не строил. То же самое и с улицами; они пусты, а асфальт на них растрескался. На одном из столбов покачивается светофор, повисший на своем кабеле и переключающийся с красного на зеленый совершенно синхронно со своим отражением. Небо здесь тусклое, будто вот-вот наступит расцвет, хотя на самом деле уже за полдень, и ветер дует креп-

че. Бурлящие, клубящиеся облака катятся по небу, словно опаздывают на облачную воскресную службу.

– Круто, – бормочет Мэнни. Наверное, его психика дает какой-то серьезный сбой, но он не может отрицать: то, что он видит, одновременно великолепно и ужасно. *Странный Нью-Йорк*. Впрочем, он ему нравится.

Но с городом что-то не так. Мэнни должен куда-то пойти, что-то сделать, или вся эта двойственная красота, которую он видит, погибнет. Понимание этого, отчетливое и осознанное, приходит к нему внезапно.

– Мне нужно идти, – удивленно бормочет он себе под нос. Его голос звучит необычно, дребезжит, и слова кажутся растянутыми. Может, у него язык не ворочается? Или его голос просто отражается странным эхом от стен двух разных вестибюлей двух разных Пенсильванских вокзалов.

– Эй, – обращается к нему парень в неоново-зеленой рубашке, стоящий неподалеку. Мэнни моргает и переводит взгляд в ту сторону. Перед ним возникает Нормальный Нью-Йорк, а Странный Нью-Йорк на время исчезает. (Впрочем, он все равно где-то рядом.) Рубашка – это часть корпоративной униформы. Парень держит в руках табличку, предлагающую туристам взять напрокат велосипед. Он смотрит на Мэнни с неприкрытой враждебностью. – Иди блевать куда-нибудь в другое место, алкаш.

Мэнни пытается выпрямиться, но чувствует, что его все еще немного кренит вбок.

– Я не пьян. – Он просто видит наложенные друг на друга реальности и в то же время страдает от необъяснимых навязчивых идей и фантомных болей.

– Ну тогда просто вали отсюда, обдолбыш.

– Ага. – Идея хорошая. Ему нужно идти... на восток. Он поворачивается в том направлении, повинуюсь инстинктам, которых у него не было еще несколько минут назад. – Что в той стороне? – спрашивает он велосипедного зазывалу.

– Мой хрен, – говорит тот.

– Там юг! – смеется другая зазывала, девушка, работающая поблизости. Ее напарник закатывает глаза, поворачивается к ней и хватается себя за промежность, что на нью-йоркском языке жестов означает «отсоси».

Такое поведение начинает раздражать. Мэнни говорит:

– Если я возьму у вас напрокат велик, вы мне скажете, что находится в той стороне?

Велосипедный зазывала внезапно расплывается в улыбке.

– Конечно...

– Нет, сэр, – прерывает его девушка-зазывала. Посерьезнев, она подходит к ним. – Простите, сэр, но мы не можем выдавать велосипеды больным или нетрезвым на вид людям. Политика компании. Если хотите, я могу позвонить в девять один один?

Как же ньюйоркцы любят звонить в девять один один.

– Нет, я в состоянии пройтись. Мне нужно добраться до... – «Магистралы ФДР». – ...магистралы ФДР.

Девушка скептически смотрит на него.

– Вы хотите дойти пешком до *магистралю ФДР*? Вы вообще турист или кто? Сэр.

– Да какой он турист, – говорит Южный Хрен и кивком указывает на Мэнни. – Ты посмотри на него. Местный он.

Мэнни раньше никогда даже не бывал в Нью-Йорке, по крайней мере, насколько он помнит.

– Мне просто нужно добраться туда. Поскорее.

– Тогда возьмите такси, – говорит девушка. – Вон их стоянка. Хотите, я договорюсь?

Мэнни пробивает несильная дрожь; он чувствует, как внутри него назревает нечто новое. На этот раз ему не становится плохо – точнее, не становится хуже, ведь та ужасная боль, похожая на жжение ножевой раны, не исчезла. Вместо этого в его восприятии происходит сдвиг. Его рука лежит на стенде, и он слышит тихий шелест множества листовок, побывавших на нем за десятки лет. (Сейчас на киоске ничего нет. Только табличка: «Листовки не клеить». Он слышит то, что было здесь прежде.) Машины проносятся мимо по Седьмой авеню, спешат проскочить светофор, прежде чем миллион пешеходов начнет переходить улицу, пытаясь добраться до «Мейсис» или до караоке-клуба «Кей-Таун», где можно угоститься корейским барбекю. Все на своих местах; все правильно. Но его взгляд цепляется за вывеску «Ти-Джи-Ай Фрайдейс», и он вздрагивает, непроизвольно кривя губы от отвращения. Что-то в витрине этого ресторана

кажется ему чужеродным, навязанным, коробящим. Соседняя крошечная, захламленная мастерская по ремонту обуви не вызывает такого же чувства, равно как и смежный с ней вейп-магазинчик. Лишь сетевые точки, которые попадают на Мэнни на глаза, – «Фут Локер», «Сбарро» и все остальные, какие обычно можно найти в дешевом торговом центре в пригороде. Вот только эти торговые точки расположились здесь, в самом сердце Манхэттена, и их присутствие... не вредит ему, нет, но раздражает. Как порезы от листка бумаги или быстрые несильные пощечины.

Впрочем, вывеска метро кажется правильной и настоящей. И рекламные щиты тоже, что бы ни было на них написано. Такси, поток машин и людей – все это каким-то образом смягчает раздражение. Мэнни делает глубокий вдох, чувствует смрад горячего мусора и едкого пара, который вырывается из крышки канализационного люка неподалеку – они отвратительны, но *правильны*. Более чем *правильны*. Внезапно ему становится лучше. Тошнота немного отступает, и колющая боль в боку притупляется до холодного покалывания, которое становится болезненным лишь тогда, когда он начинает двигаться.

– Спасибо, – говорит Мэнни девушке-зазывале, выпрямляясь и хватая свой чемодан. – Но за мной сейчас приедут. – Стоп. А откуда ему это известно?

Девушка пожимает плечами. Вместе с напарником она отворачивается и продолжает втюхивать прохожим вело-

сипеды. Мэнни идет туда, где люди ждут свой «Лифт» или «Убер». У него на телефоне есть оба приложения, но он ведь ими еще не воспользовался. Никто не должен его там ждать.

Однако мгновение спустя прямо перед ним останавливается такси.

Машина словно выехала из старого фильма: гладкая, выпуклая и огромная, с черно-белыми шашечками вдоль бока. Велосипедный зазывала замечает ее и присвистывает.

– Это же «Чекер»! Да я их с детства не видел.

– Это за мной, – зачем-то говорит Мэнни и тянется к двери.

Дверь не открывается. «Мне нужно, чтобы она открылась», – думает он. Дверной замок с щелчком повинуется.

Ого, это что-то новенькое, но обдумает он это попозже.

– Что за... – говорит сидящая за рулем девушка, когда Мэнни бросает свою сумку на заднее сиденье и забирается внутрь вслед за ней. Девушка белая и совсем молодая, настолько, что ей, кажется, еще нельзя водить машину. Она оборачивается и смотрит на него – в целом возмущенно, а не испуганно. Что ж, хорошо, для их будущих отношений это неплохая отправная точка. – Эй, *чувак*. Это не настоящее такси. Это просто антиквариат... реквизит. Люди арендуют ее для свадеб.

Мэнни захлопывает за собой дверь.

– К магистрали ФДР, пожалуйста, – говорит он и одари-

вает девушку своей самой очаровательной улыбкой.

Это не может сработать. Она сейчас должна закричать изо всех сил и попытаться позвать ближайшего копа, чтобы тот пристрелил Мэнни. Но кое-что помогает девушке сохранить спокойствие. Мэнни сел в машину так, как сел бы в любое такси, причем довольно правдоподобно. Теперь девушка скорее подумает, что он просто ошибся и не представляет для нее угрозы. Кроме того, его действия пробудили и другую силу, выходящую за рамки простой психологии. Мэнни ведь уже чувствовал что-то подобное, верно? Всего минуту назад, когда он каким-то образом подпитался энергией хаоса Седьмой авеню, облегчив боль в своем боку. Он даже слышит, как эта сила шепчет девушке: «Может быть, он актер. Он похож на Того Парня, чье имя ты не можешь вспомнить, из Того Мюзикла, который тебе нравится. Так, может быть, пока не стоит поднимать визг?» Ведь ньюйоркцы не поднимают визг, оказываясь в обществе знаменитостей.

И откуда он все это знает? Да просто знает, и все. Старается схватывать на ходу.

Поэтому, когда проходит секунда, а девушка все так же продолжает смотреть на него в упор, Мэнни прибавляет:

– Ты ведь все равно едешь в ту сторону, да?

Она прищуривается, не отрывая от него глаз. Им горит красный, и они стоят, но сигнал для пешеходов уже мигает. У него есть еще примерно секунд десять.

– Откуда ты, черт возьми, это знаешь?

«Потому что такси не остановилось бы, если бы ты ехала не туда», – он этого не озвучивает и тянется за бумажником.

– Вот, – говорит он, протягивая ей стодолларовую купюру.

Она пристально смотрит на нее, затем кривит губы.

– Фальшивая, небось.

– Если хочешь, у меня есть двадцатки. – В двадцатках больше силы. Многие заведения в городе не принимают сотки, потому что тоже боятся фальшивых купюр. А двадцатками Мэнни сможет заставить ее отвезти его туда, куда ему нужно, хочет она того или нет. Впрочем, он бы предпочел ее убедить. А сила... силу он применять не хочет.

– Действительно, у туристов всегда с собой много налички, – бормочет она, хмурясь и будто споря с собственной осторожностью. – Да и на серийного убийцу ты *не похож*...

– Большинство серийных убийц стараются не выделяться среди обычных людей, – замечает он.

– Своим менсплейнингом ты меня не убедишь, чувак.

– Да, верно. Прошу прощения.

Похоже, последние слова оказываются решающими.

– Ну ладно. Придурки прощения не просят. – Она задумывается еще на мгновение. – С тебя два Бенджамина, и по рукам.

Он расплачивается двадцатками, хотя в его бумажнике есть еще одна стодолларовая купюра. Впрочем, призывать силу деньгами больше не требуется. Девушка завершила обряд, согласившись подвезти его, а затем выполнила второй,

выторговав у него плату побольше. Звезды сошлись. Она его подвезет. Едва девушка кладет деньги в карман, сигнал светофора переключается, и позади нее немедленно начинает сигналить машина. Она небрежно показывает тому водителю средний палец, а затем выкручивает руль и проводит машину через четыре движущиеся полосы так, словно всю свою жизнь занималась только этим, гоняя на «Дайто-не 500».

Вот и все. Вцепившись в дверную ручку и пристегнувшись древним ремнем безопасности, который застегивается только поперек пояса, Мэнни старается делать вид, что его ничуть не заботит ее манера вождения. Он потрясен тем, насколько безотказно сработала его новая сила. И он догадывается *почему*. Почему в Нью-Йорке можно многое получить за деньги или просто наглостью. Наверное, то же самое сработало бы и во многих других городах, но здесь, в святая святых безграничного хищнического капитализма, деньги обладают почти магической силой. А это значит, что он может использовать их как талисман.

Несколько кварталов светофоры чудом остаются зелеными – и хорошо, потому что девушка, похоже, уже готова преодолеть звуковой барьер. Затем она вдруг чертыхается и жмет на тормоза, потому что светофор впереди быстро переключается на красный. Даже слишком быстро; удивительно, что она успевает затормозить. Через открытое окно до Мэнни доносится запах паленой резины, и он, подавшись

вперед, щурится на светофор.

– Сломался, что ли?

– Наверное, – говорит девушка, барабаня пальцами по рулю. Этот жест Мэнни тоже знаком, он необходим для обряда «да переключайся ты уже поскорее». Вот только жест не срабатывает, потому что и обряд этот тоже никогда не работает. – Обычно они настроены как надо. Стоит одному светофору переключиться не в свое время, сразу образуется пробка.

Мэнни прижимает руку к боку, по которому снова начинает расходиться холодная, пульсирующая боль. Почему-то светофор снова пробудил в нем то чувство неправильности – и этого оказалось достаточно, чтобы свести на нет все его прежние старания. Он открывает рот, собираясь предложить девушке проехать на красный, но это рискованно. Неправильность, вероятно, ослабила его влияние на нее, и теперь ничто не мешает девушке снова задуматься, а что это за странный черный парень сел в ее антикварное такси. Но что бы ни происходило сейчас в восточной части острова, на магистрали ФДР, ему нужно добраться туда как можно скорее. Поэтому он не может допустить, чтобы его вышвырнули из машины.

Однако не успевает Мэнни заговорить, как перед ними перекресток проезжает «БМВ». Из ее колес тянутся длинные белые, похожие на перья усики.

Потрясенный, он смотрит машине вслед. Девушка-води-

тель тоже это видит; у нее отвисает челюсть. Назвать то, что они видят, *перьями* было бы не совсем верно. Это больше похоже на листья анемоны или на щупальца медузы. Когда «БМВ» проезжает мимо, скользя за кем-то более медлительным, они видят, как один из усиков как будто... делает вдох. Он немного приоткрывается, демонстрируя толстый стебель, который сужается по мере того, как удаляется от колес, и завершается слегка потемневшими кончиками. Они полупрозрачные, словно находятся *не здесь* – не в этом мире. Мэнни сразу же вспоминает, как видел два города сразу: эти усики тоже существуют одновременно здесь и там, где над городом простирается невероятное небо, а о людях никто никогда и не слышал.

Однако все это пустые рассуждения. В следующий миг Мэнни видит то, от чего его волосы встают дыбом. Усики вздрагивают, когда «БМВ» проезжает по яме, но реагируют они вовсе не на покачивание машины. Нет, они удлиняются. Поворачиваются, как антенны, и извиваются, как черви. Тянутся к кабине «Чекера», словно знают, что Мэнни внутри, и чувствуют его страх.

Водитель «БМВ», находясь, по-видимому, в полном неведении, уезжает, и Мэнни не сразу приходит в себя.

– Ты ведь тоже это видел, да? – спрашивает его девушка-таксист. Светофор наконец переключается, и они снова несутся в сторону магистрали ФДР. – Никто больше туда не смотрел, но ты... – Они встречаются взглядами в зеркале

заднего вида.

– Да, – говорит он. – Да, я все видел. Я не... н-да. – До Мэнни запоздало доходит, что девушке, возможно, потребуется более подробное объяснение, если он не хочет, чтобы его вышвырнули из такси. – Ты не сошла с ума. Ну а если сошла, то не в одиночку.

– Умеешь утешать. – Она облизывает губы. – Почему же больше никто этого не видел?

– Хотел бы я знать. – Когда она качает головой, Мэнни прибавляет: – Мы уничтожим источник этой заразы. – Он говорит это, чтобы ее успокоить, но, произнеся слова, понимает, что они правдивы. Мэнни не позволяет себе размышлять над тем, откуда ему это известно. Он не задается вопросом, кто такие эти «мы». Они уже ввязались в это дело. Если Мэнни засомневается в себе сейчас, его сила ослабнет – и, что важнее, он начнет сомневаться в собственном рассудке. И тогда ему снова придется задуматься о принудительном лечении.

– Уничтожим... что? – На этот раз она хмурится, глядя на него в зеркало заднего вида.

Мэнни не хочет признаваться, что не знает.

– Просто довези меня до ФДР, и я со всем разберусь.

К его большому облегчению, она расслабляется и, обернувшись, улыбается ему одним уголком рта.

– Странно это, ну да ладно. Внукам эта история понравится. Ну, если у меня когда-нибудь будут внуки. – Она едет

дальше.

И вот наконец они вырываются на ФДР и быстро приближаются к смутному, но быстро усиливающемуся чувству неправильности. Мэнни изо всех сил держится за старомодную кожаную ручку, вшитую в спинку переднего сиденья, потому что девушка-водитель все еще корчит из себя гонщика, вляет между медленными машинами и влетает на холмы с такой скоростью, что ему кажется, будто он катается на...

...на «Циклоне»? что такое...

...американских горках. Но они уже совсем близко к источнику всех проблем. У Ист-Ривер, чуть дальше к югу, в одном месте кучкуются вертолеты и катера. Отсюда Мэнни видит лишь дым. Может быть, это связано с тем происшествием на мосту, о котором он слышал в поезде? Наверное, так и есть; уже начали передавать предупреждения о заторах, объездах и действиях полиции к югу от Хьюстон-стрит.

Еще Мэнни понимает, что *неправильность* находится к ним гораздо ближе, чем катастрофа на мосту. Навстречу им по ФДР несется все больше машин, кишущих странными белыми усиками. Почти все они тянутся из колес, как и у того «БМВ», который они видели раньше. Машины словно проехали по чему-то тлетворному и стали разносить из загнившей раны какую-то метафизическую инфекцию. В некоторых машинах усики зацепились за решетку радиатора или накрутились на ходовую часть. У одного автомобиля, у новенького «Жука», они налипли на дверь и, как потеки

грязи, ползут по окну водителя. Водитель – женщина – этого не замечает. Что случится, когда она откроет дверь и инфекция коснется ее? Ничего хорошего.

Затем автомобильный поток резко замедляется... и в поле зрения Мэнни попадает вторая незримая катастрофа, случившаяся в городе.

Сначала он думает, что видит последствия взрыва. Представьте себе струю фонтана, которая вырывается из асфальта, взлетает футов на двадцать-тридцать в небо и *извивается*. Но вместо воды из фонтана рвутся усики, десятки огромных усиков, похожих на листья анемоны. Они высятся над крышами автомобилей и извиваются в тандеме с другими, завораживая и смутно напоминая нечто фаллическое. Мэнни понимает, что корень этих... отростков... расположен где-то впереди, на стороне дороги, ведущей на юг города, скорее всего, на скоростной полосе – наверное, именно поэтому усикам удастся задеть так много машин, едущих в противоположную сторону, даже несмотря на разделительный барьер между полосами. Мэнни видит новенький блестящий внедорожник с пенсильванскими номерами, из которого торчит столько усиков, что он похож на призрачного ежа. Хорошо, что водитель их не видит, иначе усики закрыли бы ему весь обзор. Однако прямо за внедорожником едет древний, ржавый «Форд Эскорт» без колпаков и с облупившейся краской, и его усики не коснулись вообще. В чем же закономерность? Этого Мэнни не знает.

Он видит, что эта разлетающаяся в стороны мерзкая субстанция и стала причиной пробки. Поток машин замедляется и едва ползет, а «Чекер» почти останавливается. Хотя большинство людей не видят фонтан усиков, они все равно реагируют на его присутствие. Водители в левой полосе пытаются выехать на среднюю, чтобы объехать эту дрянь, водители в средней пытаются втиснуться в правую, чтобы обойти их, а водители в правой полосе никого не пускают. Кажется, будто впереди произошла незримая авария, которую все пытаются объехать. Слава богу, сейчас не час пик, иначе магистраль вообще бы встала.

Пока они стоят, Мэнни открывает заднюю дверь со стороны пассажира и выходит наружу. Тут же за ними несколько машин хором заходятся гудками, возмущенные даже малейшей возможностью того, что он задержит поток еще больше. Однако он не обращает на них внимания и наклоняется к окну, которое опускает водитель. (Для этого ей приходится тянуться через кресло и крутить механическую ручку. Несколько секунд Мэнни завороченно смотрит, а затем сосредотачивается.)

– У тебя есть аварийные знаки? – спрашивает он. – Треугольный отражатель или что-то в этом духе?

– В багажнике. – Она глушит машину и сама выходит из нее. Им снова начинают сигналить, но девушка смотрит на столп усиков. Их кончики колышутся, возвышаясь над пешеходным мостом, который перекинут через магистраль. –

Так вот, значит, из-за чего такой затор?

– Да. – Она открывает багажник, и Мэнни вытаскивает аварийный комплект. Впрочем, почти все его внимание сосредоточено на мерзкой субстанции. Если хоть какие-то усики потянутся к ним... что ж, лучше надеяться, что этого не случится.

– Что бы ты там ни собрался делать, лучше поторопись. Копы, наверное, уже едут сюда, чтобы разобраться с, гм, пробкой. Не знаю, увидят ли они эту штуковину – похоже, больше никто ее не замечает, иначе народ вышел бы из машин и пошел бы пешком. Однако помочь полицейские точно не смогут.

Мэнни морщится, соглашаясь с ней. Затем замечает, как сердито она смотрит на фонтан усиков. На него снисходит крошечное откровение, он начинает что-то понимать.

– Ты ведь местная?

Она моргает.

– Ну да. Родилась и выросла прямо в Челси, и все такое. А что?

– Просто предположил. – Мэнни колеблется. Он снова чувствует себя странно. Что-то происходит – поблизости и с ним самим, – возрастает напряжение, собираются силы и смыслы, и все это приближает момент истины, к которому он, кажется, еще не готов. Под ногами он чувствует колебания, пульс, похожий на равномерный стук колес поезда, который бьется в такт его собственному сердцу. Почему? Да

потому что. Потому что каким-то образом все на этой дороге, под ней и вокруг нее стало *частью* него. Его бок ужасно болит, но боль можно стерпеть, потому что сам *город* каким-то образом помогает ему, питает Мэнни своей силой. Даже простаивающие, застрявшие в пробке машины подпиывают его накопленным нетерпением, желанием поскорее рвануть вперед. Он оглядывается на водителей соседних машин и видит, что большинство из них тоже пристально смотрят на штуковину с усиками. Видят ли они ее? Нет, не видят. Но они знают, что там есть *нечто*, остановившее обычное течение жизни города, и они ненавидят его только за это.

Мэнни потрясенно осознает, что так это и работает. Именно это ему и нужно, чтобы победить усики. Эти совершенно незнакомые ему люди – его союзники. Гнев и желание, чтобы все пришло в норму, исходят от них, как волны жара. Именно такое оружие ему и нужно. Осталось лишь понять, как его использовать.

– Меня Мэнни зовут, – повинуюсь порыву, говорит он таксистке. – А тебя?

Она удивленно смотрит на него, затем расплывается в широкой улыбке.

– Мэдисон, – говорит она. – Знаю, необычное имечко. Но Мама Номер Один говорит, что меня зачали с помощью ЭКО в клинике недалеко от Мэдисон-авеню, так что...

Слишком много подробностей. Мэнни все равно усмеется, потому что его нервы натянуты до предела и посмеять-

ся было бы полезно.

– Хорошо, – говорит он. – Смотри, план такой... – Затем он излагает ей то, что придумал.

Мэдисон смотрит на него как на сумасшедшего. И все-таки она поможет. Это видно по ее лицу.

– Ладно, – наконец произносит она с притворной неохотой. Возможно, ньюйоркцам не нравится казаться слишком услужливыми.

Они расставляют на левой полосе маячки и треугольники, чтобы машины объезжали это место. Из-за того, что такси стоит, разозленные автомобилисты, проезжая мимо, сверлят их взглядами и сигналият. Они считают, что «Чекер» только усугубляет затор. Возможно, так и есть. Один парень орет на Мэнни так громко, что брызжет слюной. Впрочем, к счастью, водитель настолько зол, что забывает сначала опустить стекло и забрызгивает его. Тем не менее все вокруг хоть немного, но ощущают, что происходит нечто совсем странное, ведь ни одна машина не возвращается в левую полосу даже после того, как проезжает мимо остановившегося «Чекера».

Масса усиков растет у Мэнни на глазах. Со стороны нее ветер изредка доносит низкий треск – наверное, это их корни зарываются в асфальт, и в арматуру под асфальтом, и, возможно, в грунт под дорогой. Теперь, оказавшись ближе к ним, Мэнни слышит издаваемые усиками звуки: прерывистый, рубленый, заикающийся стон, изредка пощелкиваю-

щий, как поврежденный аудиофайл. Он чувствует их запах – маслянистый и рыбный, как от морской воды. Протекающая рядом Ист-Ривер никак не может его источать.

«Триметиламиноксид, – вдруг думает он. – Запах темных, ледяных, удушающих океанских глубин».

– Что теперь? – спрашивает Мэдисон.

– Мне нужно по ним ударить.

– Эм-м...

Мэнни оглядывается и замечает то, что ему нужно, на заднем сиденье спорткара с откидным верхом. Сидящая за рулем индианка смотрит на него с нескрываемым любопытством. Он быстро подходит к ней и выпаливает:

– Скажите, можно я возьму ваш зонтик?

– А перцовым баллончиком в тебя не прыснуть? – спрашивает она.

Он поднимает руки, стараясь показать, что ничем ей не угрожает. Впрочем, он же небелый парень ростом в шесть футов, и некоторые люди никогда не смогут с этим смириться.

– Если одолжите мне зонтик, я смогу сделать так, чтобы пробка рассосалась.

Это ее явно заинтересовало.

– Да ну? Хм, что ж, ради такого можно и зонтиком пожертвовать. Он все равно не мой, а моей сестры. Мне просто нравится бить им людей. – Она берет зонтик и протягивает его Мэнни острым концом вперед.

– Спасибо! – Он хватается зонт и бежит обратно к такси. – Отлично, теперь мы готовы.

Мэдисон хмурится, глядя сначала на него, затем на фонтан усиков, и открывает дверь машины, чтобы снова сесть за руль.

– Я не вижу, что по ту сторону этой гадости, – говорит она. – Если там стоят машины, а я не смогу вовремя затормозить...

– Да. Я знаю. – Мэнни запрыгивает на капот «Чекера», затем на крышу. Мэдисон таращится на него, пока он разворачивается и садится на крышу верхом, расставив ноги и держась одной рукой за табло «Такси не работает». К счастью, «Чекеры» высокие, длинные и узкие и созданы специально для городских улиц. У него должно получиться сдвинуть его ногами и удержаться, однако это будет непросто. – Ладно. Я готов.

– Как только все закончится, скину эсэмэску своему поставщику травки, – говорит Мэдисон, качая головой и садясь в машину.

Зонт – это ключ. Мэнни не понимает почему, однако пока он готов просто принять все непонятное как данность. Больше всего его беспокоит то, что он не знает, *как именно* воспользоваться зонтом. Все его нутро кричит, что лес усиков опасен, даже смертелен, если они его коснутся. Возможно, ему так кажется, потому что они похожи на щупальца актиний, которые жалят своих жертв и убивают их. Как бы там

ни было, ему нужно что-то придумать, и как можно скорее. Когда Мэдисон заводит машину, он ради эксперимента поднимает зонт и наставляет его металлический кончик на массу усиков, как рыцарское копьё. Нет, не так. Идея верная, но реализовано слабо. Зонтик автоматический, так что Мэнни расстегивает его и нажимает на кнопку. Зонт тут же раскрывается. Он огромен. Это зонт для гольфа, причем хороший – он не дребезжит и не гнется, когда Мэдисон разгоняется и ветер начинает его утягивать. Вот только так тоже неправильно.

Лес усиков нависает над ними, призрачный и бледный. Чем больше разгоняется машина, тем страшнее он становится. Мэнни приходится признать, что в них есть нечто прекрасное: они похожи на жутковатый биолюминесцентный глубоководный организм, который вытащили на поверхность. Однако его неземной красоте место в какой-то другой среде, в другом мире, а в Нью-Йорке он – чужеродный загрязнитель. Даже воздух вокруг этого организма посерел, и теперь, когда они приблизились, Мэнни слышит шипение, словно усики разрушают молекулы азота и кислорода, лишь прикасаясь к ним. Мэнни пробыл в Нью-Йорке меньше часа, однако он знает, *знает*, что города – это органические динамические системы. Они строятся для того, чтобы объединять в себе все новое. Некоторые новшества становятся частью города, помогают ему расти и укрепляют его, но другие могут разорвать его на части.

Они уже нарушают, несясь со скоростью не менее пятидесяти миль в час. Усики закрывают собой небо, воздух холодеет, запах беспросветных океанских глубин становится тошнотворным, и Мэнни уже трудно удерживаться на крыше такси. Однако он все равно цепляется за нее, щурится от встречного ветра и жгучего соленого смрада твари, и *что же он делает?* Прогоняет чужака. Но ведь и Мэнни в этом городе чужак, верно? И если он не сделает все так, как надо, тогда только один из чужаков выйдет из столкновения невредимым, а *зонтик-то не такой уж и крепкий*.

Затем, когда «Чекер» оказывается лишь в нескольких футах от твари, настолько близко, что Мэнни может разглядеть скользкую, испещренную порами шкуру усиков-щупалец, и боль в его боку становится невыносимой, словно кто-то вонзил туда ледяную пику...

...он вспоминает слова женщины, давшей ему зонтик. «Мне просто нравится бить им людей».

Мэнни разжимает руку, которой держался за табло «Такси не работает». И тут же начинает соскальзывать с крыши машины, потому что они едут слишком быстро и у него не получается удержаться на ней одними лишь ногами. Впрочем, падение с машины он еще, возможно, переживет, а вот столкновение с лесом усиков точно закончится для него плачевно, если он не поднимет свой зонтик *вверх*. Для этого ему нужны обе руки. Борясь со встречным ветром и собственным страхом, он все же успевает за имеющиеся у него счи-

танные секунды поднять раскрытый зонт над головой. Теперь он, может быть, и умрет, но какой-нибудь внезапный дождь точно не застанет его врасплох.

Внезапно вокруг и *внутри* него начинают искриться молнии, сверкающие, ржаво-оранжевые, тускло-серебристые, зеленовато-бронзовые и самые-самые разные. Они окутывают всю машину сферой чистой энергии, горят так ярко, что могут соперничать с июньским полуденным солнцем, – и в их неожиданно громкой песне Мэнни слышит гудки тысяч машин, застрявших на магистрали ФДР. Шипение воздуха заглушается громогласным ревом сотен разъяренных глоток. Когда Мэнни открывает рот, чтобы заорать вместе с ними, то издает крик радости и восторга, потому что внезапно понимает – он здесь *не чужак*. Городу нужны новые лица! Ему есть здесь место, равно как и тем, кто родился и вырос на этих улицах, потому что всякий, кто желает стать частью Нью-Йорка, может это сделать! Он не турист, пользующийся городом, глазающий на него и не дающий взамен ничего, кроме денег. Он теперь *здесь живет*. И это самое главное.

От осознания этого и от силы, переполняющей его теперь, у Мэнни кружится голова, он смеется, и они на полном ходу врезаются в лес усиков. Энергетический кокон, окружающий машину, прожигает их, как ракета. Конечно же, такси с шашечками – тоже часть силы, именно поэтому город и отправил его к Мэнни. Мэнни чувствует, как зонтик за что-то цепляется, и сжимает его крепче; он не отводит его в сторону,

как того требует воспитание, потому что: «Я тут иду, и нечего вставать у меня на пути». Он будто бы бодается с этим жестоким, нежеланным *туристом* на узкой тропинке... а затем они оказываются на другой стороне.

Из салона машины до Мэнни доносится крик Мэдисон. прорвавшись через лес, они видят прямо перед собой полосу стоящих машин. Мэдисон жмет на тормоз. Мэнни роняет зонтик, отчаянно пытается уцепиться за табло «Такси не работает» и даже успевает схватиться за него в тот миг, когда всем телом переворачивается и падает на лобовое стекло и капот. Машину разворачивает, когда Мэдисон выкручивает руль, и теперь вместо того, чтобы улететь вперед, Мэнни швыряет из стороны в сторону центробежной силой. Он в панике, его руки соскальзывают с табло, и он не знает, откуда нашел силы ухватиться за край капота под дворниками. В тот же миг ноги Мэнни слетают с такси, и его тело летит в сторону остановившихся машин. Если такси перевернется, он погибнет. Если Мэнни отпустит капот и его отшвырнет на хетчбэк впереди, то он тоже погибнет. Если Мэнни свалится с машины и окажется под колесами...

Но такси наконец перестает заносить, и оно останавливается всего в дюйме от стоящей впереди машины. Ноги Мэнни помимо его воли с глухим стуком падают на багажник хетчбэка. Это хорошо. Он рад, что под его ногами снова оказалось что-то твердое.

– Убери копыта с моей машины, козел! – кричит кто-то

изнутри. Мэнни не обращает внимания на крики.

– Ни хрена себе! – Мэдисон высовывается из окна. Она смотрит на Мэнни выпученными, испуганными глазами. Он чувствует себя точно так же. – Ни хрена... Ты в порядке?

– Ну да? – Мэнни и сам не совсем в этом уверен. Однако ему хватает сил сесть, и он, обернувшись, смотрит на левую полосу.

Позади них лес усиков пришел в бешенство, он хлещет и трясет своими отростками, как умирающий организм. Он и правда умирает. В месте, где они врезались в гущу его корней, красуется выжженный силуэт вроде тех, что показывают в детских мультиках: очертание «Чекера» с венчающим его зонтиком и ссутуленным человеком между ними. Края силуэта пылают, как раскаленный металл, и огонь быстро пожирает тварь изнутри, расходясь по ней, как по листу бумаги. За несколько секунд он охватывает корни усиков, а затем начинает карабкаться выше. После от них не остается даже пепла. Мэнни понимает: это потому, что на самом деле усиков здесь нет, они не существуют в *реальности* в привычном человеку смысле.

Однако нанесенный урон вполне реален. Едва догорают последние усики, парящий, переливающийся яркими цветами сгусток энергии – остаток той оболочки, что окружала машину, превратившийся в бурлящее, необузданное нечто, – исчезает в миниатюрном взрыве, который расходится из центра во все стороны. Мэнни вздрагивает, когда через него

проходит волна света, цвета и тепла. Он знает, что волна не навредит ему, но удивляется, когда она согревает то место в его боку, которое так сильно болело. Теперь боль прошла. Еще происходит и нечто более важное: усики, прилипшие к ближайшим машинам, истончаются и исчезают, едва энергия накрывает их. Мэнни чувствует, как сила катится прочь, уходит за ближайшие здания напрямиком в Ист-Ривер.

Все кончено.

Когда Мэнни слезает с капота такси и садится на землю, он снова чувствует, как сквозь него что-то проходит, от кончиков пальцев ног до корней волос. Он понимает – это та же самая энергия, которая переполнила такси, когда оно торпедой летело через усики. Она же уняла его боль на Пенсильванском вокзале, и она же привела его сюда. Откуда-то к Мэнни приходит понимание того, что энергия – это город, который теперь стал частью него самого, заполнил его и вытеснил все ненужное, чтобы освободить место для себя. Поэтому-то Мэнни и забыл свое имя.

Энергия начинает угасать. Вернутся ли его воспоминания, когда все закончится? Этого он не знает. И хотя это должно пугать Мэнни, он... не боится. Это совершенно неразумно. Амнезия, даже временная, не грозит ему ничем хорошим. У него могло случиться кровоизлияние в мозг или появиться какая-то скрытая травма; ему следует обратиться в больницу. Но вместо испуга он испытывает умиротворение – ведь теперь город с ним, внутри него. Каза-

лось бы, поволноваться все же стоит. Что-то подсказывает Мэнни, что он только что был на волосок от смерти. И все же он спокоен.

Ист-Ривер плещется у него за спиной. Мэнни смотрит на возвышающийся над ним Манхэттен: на бесконечные башни жилищных кооперативов, перепрофилированных банков, на теснящиеся жилые комплексы, зажатые между древними театрами и бездушными штаб-квартирами корпораций. Здесь живет почти два миллиона человек. Он пробыл здесь всего час, но уже чувствует себя так, словно никогда его не покидал. И пусть Мэнни не знает, кем был прежде... он знает, кем стал теперь.

– Я – Манхэттен, – тихо произносит он.

И город бессловесно откликается, прямо в его сердце: «Добро пожаловать в Нью-Йорк».

Глава вторая

Противостояние в последнем лесу

Мэдисон высаживает Мэнни в Инвуде.

– Мне сюда не по пути, – говорит она, когда он вытаскивает свою сумку из машины, – но тут неподалеку есть за-бегаловка, где делают отличные эмпанადы. Да и моей тачке ты, кажется, понравился. – Она ласково, словно поглаживая лошадь, проводит рукой по старой приборной панели, обитой натуральной кожей. – Движок у нее дерьмовый, бензин жрет как не в себя, но по дороге сюда он работал так ладно, как никогда прежде. Надо почаще врезаться в полупрозрачных морских чудовищ, видимо, для свечей это полезно.

Мэнни смеется, глядя на нее через опущенное окно со стороны пассажира.

– Что ж, тогда в следующий раз я снова позову тебя и твою машину, – говорит он. Ведь сомнений у него нет – следующий раз точно настанет.

– Ну уж нет, спасибо, это ты без меня, – говорит Мэдисон. Затем, склонив голову набок, она окидывает его взглядом, в котором читается такой откровенный интерес, что Мэнни краснеет. – Впрочем, если когда-нибудь захочешь поселиться по-другому, позвони в «Такси “Чекер”». Свадьба вашей мечты» и спроси меня.

Мэнни посмеивается, хотя ему неловко. Он не привык к такому агрессивному флирту. Она миловидная, и он не против, но что-то останавливает его и не дает принять ее предложение. Что именно? Мэнни точно не знает. Может быть, просто тот факт, что он, похоже, превращается в живое воплощение района крупного мегаполиса и сейчас не лучшее время начинать с кем-то встречаться. Поэтому он пытается отказать ей помягче, ведь дело не в ней, а в нем.

– Буду иметь в виду.

Мэдисон широко ухмыляется, спокойно принимая его отказ, и поэтому начинает нравиться ему еще больше. Затем она отъезжает, и он остается один перед своим новым домом.

Тот представляет собой одно из старых многоквартирных зданий Инвуда, которое тянется на полквартала. Проходя через кованые железные ворота, Мэнни обращает внимание на настоящий сад, раскинувшийся перед домом, в котором кто-то из жильцов высадил маки и, кажется, эхинацеи. В огромном фойе пол выложен черно-белой плиткой, а по стенам тянутся вычурные мраморные карнизы. Рельефный потолок покрыт столькими слоями краски, что выглядит бугристым. Швейцара нет, но и район этот не из тех, где они бывают.

Обстановку Мэнни не узнает совсем. Адрес он нашел в своем телефоне, в заметке под заголовком «*Новый адресок!!!*», едва разборчиво написанной пальцем по экрану. Однако ему кажется, что прежде он никогда не был в Нью-Йорке.

ке.

«Кто вообще пишет “адресок” вместо “адрес”?» – думает он. И кто может так сильно радоваться новому адресу, что ставит три восклицательных знака? Неужели тот же человек, который снял квартиру и выбрал себе соседа, ни разу не видя его в глаза?

Лифт здесь медлительный и древний, с внутренней решеткой, которую нужно сначала закрыть, иначе он не поедет. На верхнем этаже, когда двери лифта открываются, он видит коридор, тускло освещенный древними лампами и уходящий куда-то вдаль – что должно быть невозможно, поскольку кварталы Нью-Йорка не бывают такими длинными. Коридор кажется жутким, словно Мэнни оказался в каком-то ужасе. Однако, когда он выходит из лифта, перед его глазами словно проносится какая-то волна. Мэнни моргает, и свет в коридоре тут же становится ярче, тени – светлее, контрасты – мягче, а слабые запахи – чьего-то невыветрившегося ужина, пыли, краски, кошачьей мочи – усиливаются. Теперь это обычный коридор... который почему-то кажется гораздо безопаснее, чем секунду назад.

Странно. Ну да ладно.

В его телефоне написан номер квартиры «4J». У Мэнни есть ключ с таким же номером, однако из вежливости он все же стучится в дверь. Изнутри слышится торопливый топот, затем дверь открывает долговязый азиат, на одной стороне лица которого отпечатался след от подушки. Просияв,

он разводит руки в стороны.

– Привет, сосед! – с сильным британским акцентом произносит азиат. – Ты доехал!

– Да, – отвечает Мэнни, неловко улыбаясь. Он понятия не имеет, кто перед ним. – Пришлось... гм... постоять в пробке на ФДР.

– На ФДР? А магистраль разве не на восточной стороне острова? Почему таксист повез тебя от вокзала туда? Неужели из-за утренних ужасов на Вильямсбургском мосту такие пробки? – В следующий же миг азиат забывает про собственные вопросы, выходит и хватается чемодан Мэнни. – Давай помогу. Твои коробки и второй чемодан приехали еще пару дней назад.

Все кажется таким нормальным. Квартира огромная, с большой кухней и двумя спальнями, расположенными достаточно далеко друг от друга – одна сразу за гостиной, другая дальше по коридору, за ванной и кладовкой. Сосед занял ближнюю спальню, так что Мэнни идет на другой конец квартиры, где находит просторную комнату, уже полностью обставленную мебелью. Судя по всему, до потери памяти прежний Мэнни хотел приехать на все готовое. Простыни на постели нет, а в углах лежат клубы пыли, но комната хорошая. Из окна открывается отличный вид на платную парковку. Мэнни нравится.

– Ну, что я тебе говорил? А? – говорит сосед, глядя на то, как Мэнни осматривается. – Классная квартира, да? Все

как на фотках, которые я тебе присылал.

Фотки. Видимо, Мэнни из тех типов, что подписывают арендное соглашение, основываясь на одних лишь фотографиях.

– Да, идеально. – Вот только не может же он все время называть своего соседа «Эй, ты!». – Гм, прости, мне ужасно неловко, но тебя зовут...

Парень моргает, затем смеется.

– Бел. Бел Нгуен. Аспирант на кафедре политических наук Колумбийского университета, как и ты. Неужели поездка на поезде оказалась настолько тяжелой?

– Нет. Эм-м... – Впрочем, оправдание хорошее. Мэнни взвешивает все его потенциальные преимущества и решает остановиться на нем. – Хотя да. Со мной что-то приключилось, обморок, что ли. Сразу после того, как я сошел с поезда. И голова у меня сейчас немного... – Он шевелит пальцами, надеясь, что сосед решит, будто он в замешательстве, а не сошел с ума.

– Ого. Дерьмово. – Бел, похоже, искренне за него забеспокоился. – Тебе что-нибудь нужно? Я могу... эм-м... Может, тебе хорошего чаю заварить? Я привез из дома.

– Нет, нет, я в порядке, – быстро отвечает Мэнни, хотя тут же начинает сомневаться в том, что это так. Здесь, в столь обыкновенном месте, стоит ему подумать о случившемся на магистрали ФДР, все начинает казаться ему более и более невероятным. Если у него амнезия, тогда, возможно,

с ним и правда случилось что-то нехорошее. Возможно, он ударился головой. Возможно, у него началась ранняя деменция. – То есть я чувствую себя хорошо. Но кое-какие вещи забываю и не могу вспомнить.

– Вроде моего имени?

Мэнни думает, не ответить ли ему: «Нет, вроде *моего* имени», – однако решает, что лучше этого не делать. О том, что ваш сосед в данный момент не в ладах с реальностью, лучше узнавать *до* того, как вы подписываете договор аренды.

– Вроде того. Так что, гм, я заранее извиняюсь, если спрошу что-то, о чем ты мне уже говорил. Или если сам буду повторять то, что ты уже знаешь. Эм-м, прозвище мое, например. Зови меня Мэнни.

Он готовится к тому, что сосед возразит, но Бел лишь пожимает плечами:

– Мэнни так Мэнни. Дружище, ты хоть каждую неделю меняй имена, только за квартиру плати вовремя. – Он смеется над собственной шуткой, затем качает головой и ставит чемодан Мэнни на пол. – Уверен, что чаю не хочешь? Мне не трудно. Или... О. Я как раз думал о том, чтобы пойти прогуляться, осмотреть окрестности, так сказать. Пойдем со мной, а? Может, на свежем воздухе тебе полегчает.

Предложение кажется в высшей степени разумным. Мэнни кивает, ненадолго задерживается, чтобы скинуть куртку и переодеться в чистые штаны – он только заметил, что обтер ими крышу такси, – и они выходят на улицу.

Их дом находится всего в нескольких кварталах от парка Инвуд-Хилл. Парк огромный – Мэнни помнит, что видел его где-то на карте. (Он бесстрастно замечает, что хорошо помнит общие факты. Ускользают от него лишь те, что относятся к его собственной жизни.) А еще этот парк – последний нетронутый участок старого леса, который когда-то покрывал весь остров Манхэттен. На первый взгляд он похож на любой другой парк – мощные дорожки, железные заборы, скамейки, теннисные площадки и редкие выгульщики собак, которых тянет за тобой на поводке тьявкающая свора. Здесь на удивление пусто, хотя, наверное, это потому, что сейчас середина рабочего дня и большинство людей все еще на работе или в школе. Прямо за ухоженной полоской подстриженного газона и декоративных деревьев Мэнни видит лесистый холм, возвышающийся над всем вокруг. Его покрывает густое сплетение деревьев и кустарников, которые явно никогда не видели ни экскаватора, ни грейдера. Он смотрит на лес, поражаясь тому, что тот существует менее чем в пяти милях от огней и шума Бродвея. Бел тем временем глубоко вдыхает и блаженно закрывает глаза.

– Ах-х, вот ради этого я и хотел поселиться здесь... ну и еще потому, что дешевле на острове я ничего не нашел. – Он широко улыбается Мэнни и продолжает идти по тропинке. Мэнни идет за ним, крутя головой, чтобы все разглядеть. – С ценами тут хуже, чем в Лондоне в черте города. Но когда я прочитал, что здесь прямо посреди города растет

лес, я понял, что это место как раз для меня. В детстве я несколько раз проводил лето в Хакфолле в Северном Йоркшире. У моей бабушки там рядом дом. – Он мрачнеет, и тон его голоса становится суше. – Конечно же, она от меня отреклаась, когда выяснилось, какие у меня проблемы. Так что я уже лет сто там не был.

– Сочувствую, – говорит Мэнни и лишь затем замечает в словах Бела нечто большее, чем просто боль. Он моргает и удивленно смотрит на соседа. Ему хватает сообразительности промолчать, однако Бел замечает его взгляд, и выражение его лица тут же становится нейтральным.

– Об этом ты, значит, тоже забыл? И сейчас внезапно вспомнишь, что все-таки хочешь съехать...

– Я... – В этот миг Мэнни понимает, как, наверное, звучит со стороны его рассказ о потере памяти. Он не может придумать ничего лучше, кроме как сказать правду: – Я и правда забыл. Но если бы я хотел съехать, то выдумал бы ложь получше.

Отличный способ впечатлить соседа своими патологическими наклонностями. Но его ответ удивляет Бела, и тот смеется, хотя все еще с горечью. Впрочем, он немного смягчается.

– Да, наверное. И ты почему-то кажешься мне *другим*, не таким, как тот парень, с которым я месяц назад познакомился в «Скайпе».

Мэнни старается не напрячься и, продолжая идти, опус-

кает взгляд под ноги.

– Да ну?

– Ага. Трудно сказать почему. – Бел пожимает плечами. – Честно говоря, я тебя побаивался. Ты казался вполне вежливым, но каким-то, хм-м, *резковатым*, что ли. Дома парни с нетрадиционной ориентацией докапывались до меня не меньше, чем натуралы. И почему-то мне казалось, что ты будешь задирать как никто другой. Но ты сказал, что проблем у нас не будет, а у меня выбора особенно-то не было, так что... – Бел вздыхает.

Вот как.

– Проблем у нас точно не будет, – снова говорит Мэнни, стараясь обнадежить соседа. – По крайней мере, из-за этого. Но если ты начнешь класть в холодильник грязные носки, я за себя не отвечаю.

Бел снова смеется, и напряжение улетучивается.

– Ладно, носки класть не буду. Но насчет шапок я ничего не обещаю.

Они оба замолкают, когда мимо входа в парк проносятся машины «Скорой помощи». Бел и Мэнни уже отошли достаточно далеко, но не заметить три «Скорые» с ревущими сиренами довольно трудно, какой бы густой лес их ни окружал. Все-таки они на Манхэттене. Бел морщится, когда «Скорые» уезжают.

– Я слышал, туда бросили силы всех служб со всей... как она там называется... агломерации? Все, чтобы разо-

брать то месиво на мосту. Боже, жду не дождусь, когда мы узнаем, из какой национальности они сделают козлов отпущения на этот раз.

– Может быть, там какой-нибудь белый парень постарался. Снова.

– «Одинокий волк», у которого проблемы с психикой. Ну конечно. – Бел со смешком вздыхает. – Может быть. *Надеюсь*, лишь бы только это не стало поводом к очередным преступлениям на почве ненависти, или к новым войнам, или к еще какой дряни. Черт, ну и надежды у меня.

Мэнни кивает. Больше они ничего не могут сказать по этому поводу, так что продолжают идти молча, просто наслаждаясь компанией друг друга. Мэнни замечает, что прогулка его успокаивает, хотя после всего, что произошло за последние два часа, его бы успокоило что угодно. Важнее другое – парк кажется ему *правильным*, прямо как «Чекер», как люди, которые помогли ему на вокзале, как то чувство причастности к этому городу, который кажется ему столь необычным и живым. Одолевшая его потеря памяти на удивление выборочна. Он помнит, как посещал города, обладавшие похожей странной живостью. Париж, Каир, Токио. Однако ни в одном из них он не чувствовал, что этот город создан для него. Словно везде, куда он приезжал или где жил прежде, он был в гостях и лишь теперь оказался дома.

На одном из пересечений тропинок находится карта. Мэнни дивится размерам этого парка, а затем его взгляд цеп-

ляется за слова «Тюльпанное дерево парка Инвуд-Хилл». В тот же миг Бел подходит ближе, тычет пальцем в изображение и, подавшись вперед, вчитывается в микроскопический текст рядом с ним.

– «Согласно легенде, – читает он, – в тысяча шестьсот двадцать четвертом году на этом месте, в индейской деревне, Петер Минёйт³ купил остров Манхэттен у индейцев за бусы и безделушки общей стоимостью приблизительно в шестьдесят гульденов». Судя по всему, там еще росло большее дерево, но оно умерло в тысяча девятьсот тридцать втором. Ага, так, значит, это здесь твои предки начали прибираться к рукам эти земли. – Он усмехается и имитирует голос Эдди Иззарда: – «Флаг у вас есть? Нет? Тогда, будьте добры, один остров, сдачу можете оставить себе. И вот вам в придачу оспа и сифилис».

По коже Мэнни бегут мурашки. Почему? Он не знает, но, будучи не в силах отвести взгляд от изображения на карте, машинально отвечает:

– Кажется, повальные эпидемии начались на пару веков раньше. Колумб их завез.

– Точно, точно, в тысяча четыреста девяноста втором. Доплавался по океану. – Бел отходит и потягивается. – На этом, кажется, можно и закончить. Хочешь, посмотрим на тот ар-

³ Петер Минёйт (Везель, Германия, 1580 г. – 5 августа 1638 г.) – голландский политический деятель, губернатор Новых Нидерландов, губернатор Новой Швеции. Валлон по национальности. (Прим. ред.)

живажный камень, а потом пойдем домой?

– Конечно, – говорит Мэнни. Что-то подсказывает ему, что камень тот намного важнее, чем кажется.

Архиважный камень находится неподалеку от входа в парк, там, где к лиману Спайтен-Дуйвил примыкает большой луг. Когда они подходят к памятнику, Мэнни замечает, что тот, по сравнению с другими, довольно непримечательный: обыкновенный валун высотой примерно по пояс, окруженный голой землей и кольцом грязного бетона. Он расположился на пересечении нескольких мощеных дорожек, и от него открывается красивый вид на лиман и высокий узкий мост, который, наверное, ведет в Бронкс или Куинс. Людей здесь немного; Мэнни видит вдалеке старика, сидящего на парковой скамейке и кормящего голубей, и молодую парочку, устроившую романтический пикник на заросшей лужайке в стороне от дорожек. Не считая этих троих, они здесь одни.

Мэнни и Бел ненадолго останавливаются у камня, чтобы прочесть памятную табличку. Согласно ей, это – Шораккопоч, названный так в честь деревни, которую отсюда выселили. Или же так называлось давно погибшее дерево – этого табличка не поясняет. Бел садится на камень и какое-то время дурачится, скрестив ноги и делая вид, что медитирует, вбирая в себя «потoki энергий». Мэнни тем временем смеется над ним. Смех, впрочем, ему приходится из себя выдавливать, потому что энергии здесь действительно витают,

странные и осязаемые, как тот зонтик на магистрали ФДР, и Мэнни не имеет никакого представления о том, что все это значит.

Однако же он вспоминает, что источником той странной энергии, которой он воспользовался, был вовсе не зонтик – ну или не только зонтик. Сила пропитала его, потому что была повсюду, витала в воздухе, текла по городскому асфальту, а Мэнни просто собрал верную комбинацию... предметов? идей?.. и призвал ее. Автомобиль – в том месте, где царят удушающие выхлопы, резкие повороты и дорожные ямы, он был совершенно необходим. Как и движение, тоже ставшее источником силы. И магистраль ФДР в городе, который никогда не спит, – это дорога, движение на которой никогда не останавливается, если не считать редких аварий и пробок. Значит ли это, что сила зависит от обстоятельств? Мэнни скрещивает руки на груди, смотрит на камень и гадает, какие же секреты тот хранит.

– Ай, – говорит Бел, спрыгивая с камня. – Как же больно сидеть на истории. Кому вообще пришла в голову светлая мысль поставить здесь *камень*? Вот что в нем значимого? Американцы ведь любят статуи. Что помешало и здесь ее поставить? Похоже, кто-то хотел дешево отделаться.

Дешево. Мэнни моргает. Что-то шевельнулось в его голове, когда он услышал последние два слова. Когда Бел говорит, что пора бы пообедать, Мэнни рассеянно кивает, пытаясь поймать ускользающую мысль. Но затем он внезапно

слышит резкие нотки в голосе Бела.

– А это еще что?

Его тон выводит Мэнни из задумчивости. Он оборачивается и видит, что к ним направляется женщина. Полноватая, невысокая, белая и румяная, одетая по-офисному. Непримечательная. Ни Мэнни, ни Бел не обратили бы на нее внимания, если бы в руке она не держала наставленный на них телефон. Судя по мигающему огоньку, камера включена.

Женщина останавливается, не прекращая снимать их.

– Какая мерзость, – говорит она. – Поверить не могу, что вы двое творите такое. Не скрываясь, прямо в общественном месте. Я сейчас вызову копов.

Бел мельком смотрит на Мэнни, и тот недоуменно качает головой; он тоже не понимает, о чем она.

– Слышь, – говорит Бел. Его акцент чуточку меняется с такого, какой можно услышать по Би-би-си, на южнолондонский – и откуда только Мэнни это знает? – а затем выражение лица Бела становится суровым. – Дорогуша, ты что, нас снимаешь? Без спроса? Как-то это невежливо, не находишь?

– «Невежливо» выставлять свои извращения на всеобщее обозрение, – отвечает женщина. Она что-то делает со своим телефоном, похоже, приближает изображение. Камера направлена Мэнни прямо в лицо, и ему это не нравится. Он очень хочет отвернуться или закрыться от телефона рукой, но сдерживается, ведь это может лишь спровоцировать дамочку на дальнейшее хамство.

Однако он делает шаг вперед.

– И что же такого мы, по-вашему...

Дамочка реагирует так, словно Мэнни не приблизился к ней на шаг, а бросился на нее, как бык на родео; она ахает и семенит назад.

– Не прикасайся ко мне! Не прикасайся! Если ты меня хоть пальцем тронешь, я завизжу, и копы вас пристрелят! Наркоманы! Извращенцы и наркоманы!

– С извращенцем я еще соглашусь, но наркоман? – Бел упер одну руку в бок, скептически глядя на нее. – Я вообще-то не ширяюсь. Ты уверена, что сама не перебрала «Перкоцета», дорогуша? А то у тебя явно глюки. – Он машет рукой перед ее телефоном. Она отдергивает его назад и отпрыгивает в сторону.

В тот же миг Мэнни думает, что глюки начались *у него*. Потому что, когда женщина поворачивается к нему спиной, он замечает что-то, торчащее из ее шеи и проходящее через свободный небрежный пучок, в который стянуты ее волосы. Что-то длинное и тонкое, толще волоса, но тоньше карандаша. Мэнни таращится на это нечто, и оно вдруг вздрагивает. Его кончик, несмотря на отсутствие ветра, единожды сгибается, наклоняется в сторону Мэнни и тут же выпрямляется снова. Мэнни прищуривается, и нечто начинает дрожать, словно он потревожил его одним лишь взглядом. Нечто снова гнется к нему и снова возвращается назад.

Мэнни замирает, потрясенный. Он уже видел что-то по-

добное. От испуга его мысли превращаются в мешанину слов «паразиты», «нить марионетки», «питьевая трубочка» и более отчетливого: «та дрянь с магистрали ФДР»!

Он отрывает взгляд от белой штуковины, торчащей из шеи дамочки, и смотрит ей в лицо.

– Ты не та, за кого себя выдаешь, – говорит он. – Покажи, кто ты на самом деле.

Бел хмуро косится на него.

Дамочка поворачивается к Мэнни, открывает рот, набирает в грудь побольше воздуха, чтобы снова начать возмущенную тираду... и вдруг замирает. Причем так, будто попала на стоп-кадр, прямо на середине вдоха, за миг до того, как ее лицо успеваает принять презрительное или гневное выражение, отчего оно выглядит пустым. Она не опустила камеру, но, похоже, случайно нажала на что-то обмякшим большим пальцем, потому что огонек записи погас.

– Что за... – произносит Бел, уставившись на нее.

Мэнни моргает... и в ту наносекунду, пока его глаза закрыты, одежда дамочки становится совершенно белой. Костюм, туфли, даже колготки. То же самое происходит с ее волосами, отчего она резко становится похожа на гибрид церковной прихожанки и женской версии полковника Сандерса. Она вновь приходит в движение, посмеиваясь над очевидным замешательством Мэнни и Бела, затем поднимает свободную руку и взмахивает ею, как бы говоря: «Та-дааа».

– Какое облегчение! – заявляет она. Ее голос изменился.

Теперь он ниже, ближе к альту, чем к сопрано. Ее улыбка похожа на маниакальный оскал. – Разыгрывать из себя одну из вас, людишек, и так довольно трудно, но притворяться, что я вас не знаю, мне вконец осточертело. Рада снова видеть тебя, Сан-Паулу. Каждый уголок этой вселенной похож один на другой, пути наши извилисты, пронизывают ее, как дырки в сыре, – однако не далековато ли ты ушел от своего места? Я помню, как пробовала твою кровь на вкус где-то южнее.

Она смотрит на Бела.

– Что? – спрашивает Бел. Он смотрит на Мэнни. Мэнни качает головой, но не потому, что озадачен. Он понимает, что происходит, хотя и не желает понимать. Из головы дамочки все еще торчит белый отросток. Мэнни в голову приходит еще одно слово: «антенна». Белый отросток – это что-то вроде приемника, который передает из другого места чужой голос, мысли и образ.

«Откуда я все это знаю?» – думает Мэнни, на миг чуть не впадая в панику.

«Я – Манхэттен», – приходит к нему ответ, который сам порождает немало вопросов. Но обдумывать их он будет позже.

Женщина тем временем пристально вглядывается в Бела, словно не может хорошенько рассмотреть его, хотя он и стоит прямо перед ней. Она мельком смотрит на камеру, словно желая убедиться, что ее глаза работают, затем опускает устройство.

– А ты... – она склоняет голову набок, – ...разве не тот, за кого я тебя приняла? Неужели под этой личиной скрывается кто-то другой?

Бел заметно напрягается.

– Кто я такой – не твое собачье дело. Уйдешь сама, по хорошему, или тебе помочь?

– О! – Женщина делает вдох. – Так ты просто человек. Прошу прощения, я приняла тебя за пятнадцать миллионов других людей. Зато *ты*. – Она обращает свой взгляд на Мэнни, и он замечает, что цвет ее глаз тоже изменился. Они были карими, но отчего-то посветлели и стали бледно-коричневыми, почти желтыми. Глядя в эти глаза, трудно не вспомнить о хищниках вроде волков или соколов, но Мэнни не дает себе отвести взгляд, ведь стоит проявить слабость, как хищники обязательно нападут.

– *Ты* точно не человек, – говорит она ему. У Мэнни получается сдержаться и не вздрогнуть, но она смеется, словно все равно почувствовала этот подавленный нервный импульс. – Что ж, я знала, что тебе будет нужно где-то отлежаться после нашей битвы. Но почему здесь? В лесу? Неужели пытаешься выветрить смрад той мусорки, в которой ты ночуешь?

– Что? – Мэнни озадаченно хмурится. Женщина моргает, затем хмурится в ответ и сощуривает глаза.

– Хм, – бормочет она. – Я была уверена, что ранила тебя. Сломала парочку костей. Но ты, похоже, цел и невредим,

насколько я вообще могу судить о твоём виде. А ещё... – Внезапно она кренит голову набок, и её воинственность сменяется замешательством. – Ты чище, чем был раньше. Даже пахнет от тебя как-то... – Она умолкает.

Она сумасшедшая. Но Мэнни, глядя на жуткий белый отросток, торчащий из её шеи, понимает, что назвать происходящее «сумасшествием» было бы неправильно, ну или не совсем правильно. Невозможно, увидев отросток, не понять, что эта женщина каким-то образом связана с той массой усиков с магистрали ФДР. Возможно, то же самое произошло с людьми, чьи машины проехали по усикам и подцепили их: они оказались *заражены* на каком-то фундаментальном, метафизическом уровне. Что бы за существо сейчас ни говорило с Мэнни устами этой женщины, его нет поблизости – будучи где-то далеко, оно вещает по своему «Щупальце-монстр ТВ», а женщина подключена к нему индивидуальным высокоскоростным кабелем.

– Так что же ты такое? – решает спросить Мэнни.

Женщина усмехается, продолжая сверлить его взглядом. Она не моргает, и от этого становится жутковато.

– Даже не поболтать с тобой по душам, сразу переходишь к делу. Неудивительно, что все считают ньюйоркцев хамами. Но на этот раз ты и не выпендриваешься. Куда же подевались все твои... – Она на миг отводит взгляд, её глаза начинают бегать, словно просматривают невидимый словарь, а затем она снова смотрит на него: – ...понты. Да. Куда подевались

твои дебилные понты?

Обычно Мэнни, если позволяет ситуация, старается не выражаться.

– Мы никогда раньше не встречались.

– Неправда! Неправда! – Она поднимает руку и тычет в него пальцем, широко распахнув глаза. Мэнни тут же вспоминает, как в детстве смотрел по телевизору повторы «Вторжения похитителей тел», и ему легко представить, как эта женщина сейчас выпучит свои нечеловеческие глаза и издаст жуткий вопль. Но затем она снова хмурится. – Однако ты *не ранен*. Неужели ты изменил свою форму? Мне казалось, твой вид на такое не способен и вы меняетесь постепенно, медленно старея.

– Мэнни, дружище, – негромко произносит Бел. Пока женщина разглагольствовала, он подступил ближе. – У этой мадам явно в скворечнике не все дома, и я чуть-чуть паникую от того, как она вдруг так облондилась...

– Мэнни? – выпаливает женщина прежде, чем тот успевает ответить. Она переводит взгляд с него на Бела и обратно. – Его зовут Мэнни?

– Черт, – говорит Бел. – Прости, мне не стоило называть тебя по имени...

– Ничего страшного. – Мэнни не сводит глаз с женщины и потому видит: на вдохе ее лицо искажается. На миг оно приобретает *очень* нечеловеческие черты, желтовато-коричневые глаза вспыхивают белым светом, скулы смещаются

и будто множатся под кожей... а затем ее лицо расплывается в широченном, маниакальном оскале.

– *Манхэттен*, – выдыхает она. Мэнни пробивает дрожь. В том, как она произносит его имя, ощущается сила, сила, которую она умеет использовать, а он – еще не научился, и это его пугает. Кроме того, его пугает алчная, голодная злоба в ее непостоянных глазах. – Ты – *Манхэттен*, где глупость гуляет, а деньги решают! Неужели ты никогда не спишь, юноша? Смотри, ты что-то не одет в одни шелка и атлас.

Мэнни старается не дать этой бессмыслице сбить его с толку. Сейчас важно лишь то, что перед ним – противник, от которого исходит опасность. Как бороться с призрачной пришельцей, похожей на морское чудовище с щупальцами и принявшей человеческий облик? Рядом нет ни зонтика, ни старой тачки... ничего, лишь камень Шораккопоч, и Мэнни не знает, как им воспользоваться.

На магистрали ФДР он положился на свои инстинкты, и они привели его к решению. «Заставь ее говорить подольше», – подсказывают ему инстинкты теперь, и он снова повинуется им.

– На магистрали ФДР, – говорит он, глядя женщине прямо в горящие глаза, – я уничтожил твое создание зонтиком. Или... – Он поправляет себя, как подсказывает ему интуиция: – Нет, не твое создание. Тебя?

– Лишь малую часть меня. Мизинчик, которым я пыталась зацепиться. – Она приподнимает ногу, облаченную

в простую белую кожаную туфлю без носа, и шевелит пальцами. Ее лодыжки опухли – наверное, сидячая работа и чудища из небытия, вселяющиеся в твое тело, не лучшим образом влияют на кровообращение.

– Я ожидала, что утрачу его, – с многострадальным вздохом продолжает женщина. Она поворачивается, начинает расхаживать из стороны в сторону и драматично вздыхать. – Так обычно происходит, когда ваши сущности реализуются, или взрослеют, или как еще вы это называете. И в конце концов мы его потеряли. Кое-кто пришел и *ударил* нас по пальчику, будь он неладен. Злобное маленькое создание. Настоящий бандит. Однако, когда он со мной разделался и я лежала, истекая кровью в ледяных глубинах межмирья, я обнаружила, что мой мизинчик все же зацепился. Самую малость. Один-единственный пальчик в одном-единственном месте.

– На магистрали ФДР, – говорит Мэнни. По его коже пробегает холодок.

– На магистрали ФДР. Но затем ты выдрал с корнем и его. Это ведь был ты, верно? Вы, людишки, для меня все на одно лицо, но теперь я чую твой запах. Ты похож на него, но не он. – Произнося это, женщина клонит голову набок. В этом жесте читается одновременно задумчивость и презрение. – Конечно, было уже поздно. Ты еще не успел туда добраться, а я уже заразила уйму машин. Теперь мы держимся за этот мир сотней пальчиков, разбросанных по всей агломерации. – Она чуть приподнимается на носки, а затем опускает взгляд

и хмурится, будто ей не нравится, что сейчас ей пальцев не хватает.

Мэнни словно наяву видит, как фонтаны щупалец прорываются на трассах и мостах в радиусе сотен миль отсюда. Он старается не показывать, насколько его это пугает. Что это значит? Чего они добиваются? Что они станут делать, когда заразят достаточно машин, и людей, и...

– Что за *хрень* ты несешь? – спрашивает Бел.

Она закатывает глаза.

– Я говорю о политике дробности пространства-времени и суперпозиции, – огрызается она, а затем снова забывает про Бела и вздыхает, глядя на Мэнни. Бел лишь тупо смотрит на нее. – Что ж, ты явно *часть* того, другого. А это значит, что где-то гуляют еще четверо. Еще четыре... ой, как вы, люди, их там называете? Органы? – Она внезапно останавливается, хмурится, о чем-то задумавшись, а затем резко поворачивается к Белу и указывает на запад. – Эй, ты! Человек! Что там?

Бросив на Мэнни крайне обеспокоенный взгляд, Бел смотрит туда, куда тычет пальцем женщина, и его взгляд упирается в лиман Спайтен-Дуйвил. На самом деле она указывает дальше, на драматического вида уступ, усеянный высотными и частными домами.

– Уэстчестер? – гадает Бел. – Или, наверное, Бронкс. Понятия не имею, я тут всего пару недель живу.

– *Бронкс*, именно. – Женщина кривит губы. – Да. Он са-

мый. Еще Манхэттен. Тот, с кем я сражалась, – *сердце*, но вы, остальные, представляете собой голову, конечности и все остальное. Он оказался достаточно крепок, чтобы сразиться с нами и без вас, но ему все же не хватило сил устоять на ногах после битвы. Не хватило их и на то, чтобы вытеснить меня. И так один пальчик превратился в целый плацдарм.

Несмотря ни на что, Мэнни начинает понимать.

– Боро⁴, – зачарованно произносит он. «Я – Манхэттен». – Ты говоришь о боро города. Ты хочешь сказать, что я *действительно* Манхэттен. И... – он вдыхает, – ...и ты говоришь, что есть и остальные.

Женщина перестает ходить из стороны в сторону и медленно, очень медленно поворачивается, чтобы снова изучающе посмотреть на него.

– Ты этого не знал, – говорит она, шурясь на него.

Мэнни замирает. Он понимает, что допустил ошибку, раскрыв карты, но лишь время покажет, насколько серьезной была эта ошибка.

– Вас пятеро, – довольным тоном говорит женщина в белом. (И почему-то в сознании Мэнни это становится ее именем, с большой буквы. Женщина в Белом.) Она улыбается, но холодно. – *Пятеро*, и лишь один бедный Сан-Паулу, который должен за вами всеми приглядывать! Он сейчас рядом с тем, с кем я сражалась. А ты один. И ты даже понятия не имеешь, что нужно делать, не так ли?

⁴ Боро – муниципальная единица Нью-Йорка, крупный район. (Прим. перев.)

У Мэнни от страха сводит живот. Он понимает, что Женщина сейчас что-то делает, и он до сих пор не придумал, как с ней бороться.

– Чего ты хочешь? – спрашивает он, чтобы ее задержать. Чтобы выиграть время и подумать.

Она качает головой и вздыхает.

– Я могла бы тебе рассказать ради спортивного интереса, но для меня это не состязание. Мне просто нужно выполнить мою работу. Прощай, Манхэттен.

В мгновение ока она исчезает. То есть исчезает Женщина в Белом; стоит Мэнни моргнуть, как ее одежда и волосы возвращаются к своему естественному цвету. Вновь став обыкновенной кареглазой дамочкой, она чуть обмякает. Но через миг, придя в себя, она поджимает губы и снова поднимает телефон. Огонек камеры опять загорается.

Но одновременно с этим происходит и кое-что похуже. Волосы на загривке Мэнни встают дыбом, он подпрыгивает и резко оборачивается, уверенный, что кто-то вот-вот набросится на него сзади. Он видит позабытую парочку на лужайке, еще отдыхающую на пикнике, но, помимо них, там ничего нет...

Стоп. Нет. Из асфальтовой дорожки, из ее трещин и щербин поднимаются... призрачные белые ростки. Мэнни хватается за Бела, оттаскивает его назад, и в тот же миг ростки появляются из трещины, на которой он стоял. Затем они вылезают даже из неповрежденных участков асфальта. Мэнни

замечает, что на кольце голой земли, которая окружает памятный камень, и в трех-четыре дюймах за ним ничего нет, и утягивает Бела туда, в этот, по-видимому, защитный круг.

– Что это за... – начинает Бел. Мэнни с облегчением понимает, что Бел явно видит белые побеги. Хотя бы это ему объяснять не придется. Бел пятится к камню, глядя на то, как небольшие ростки превращаются в коротеньких червяков.

– Просто омерзительно, – говорит женщина. Теперь она стоит на целой лужайке усиков, которые уже доходят ей до колен, а тот, что растет из ее шеи, разделился на два, и оба зловеще наострились на Мэнни. Поразительно, но, несмотря на все это, она продолжает их снимать. Или... не только снимать? Секундой позже из динамика телефона раздается голос, искаженный треском. Мэнни не может разобрать, что было сказано, но женщину он слышит отчетливо:

– Я хочу вызвать полицию. Я в парке Инвуд-Хилл, тут два типа, и они, ну не знаю, выглядят очень угрожающе. Думаю, они торгуют наркотиками, и они отказываются уйти. А еще они занимаются сексом.

– Слушай, дамочка, да ты хотя бы *видела*, как занимаются сексом? Хоть раз в жизни-то, а?... – захлебываясь от возмущения, говорит Бел. Парочка вдалеке хихикает, хотя вряд ли из-за его слов. Они всецело поглощены друг другом, целуются и не замечают того, что происходит у камня.

Дамочка, занятая разговором, пропускает слова Бела ми-

мо ушей.

– Да. Так и сделаю. Я их снимаю. Конечно, да-да. – Она колеблется, затем морщится и прибавляет: – *Афроамериканцы*. Или латиносы? Трудно сказать.

– Я же явно азиат и британец, овца ты безмозглая! – Бел тарашится на нее с отвисшей челюстью. Тем временем усики продолжают расти; они уже стали настолько длинными, что смогут дотянуться до Бела и Мэнни, даже если они оба вскарабкаются на камень. А это у них вряд ли получится, поскольку на камне не хватит места для двоих.

Тут Мэнни вспоминает, что это не обычный камень, а *памятный*. Он – объект силы... наверное. Шораккопоч, место первой мошеннической сделки с недвижимостью будущего Нью-Йорка. Что же он может с этим сделать?

О. О-о-о-о.

Он подталкивает Бела.

– Залезай на камень, – говорит он. – Мне нужно место. И отдай мне все, что у тебя в бумажнике.

Бел настолько напуган, что сразу же слушается, спешно лезет на камень и хватается за задний карман.

– Худшее ограбление в истории, дружище, – дрожащим голосом подшучивает он.

Мэнни уже достал из кармана собственный бумажник. Он на удивление спокоен. Открывая бумажник и шаря в нем в поиске идей, он отстраненно размышляет над этим. Ему *следовало бы* бояться, ведь он видит, что усики сотворили

с другим человеком. Что он почувствует, когда они вторгнутся в его тело, а его разум окажется захвачен тем существом, которому они служат?

«Наверное, это будет похоже на смерть», – думает он. Мэнни внезапно осознает, что какая-то часть него однажды уже сталкивалась со смертью, и именно поэтому он так спокоен. Однако он все же приходит к выводу, что такой исход ему не понравится.

В его кошельке почти ничего нет. Несколько чеков, пятидолларовая купюра, карта «Амекс», дебетовая карта, просроченный презерватив. Ни одной фотографии близких ему людей – позже это покажется ему странным. Есть удостоверение личности, но он тут же отводит от него глаза, не желая знать, как его звали до утренней поездки в поезде. Неважно, кем он был прежде. Сейчас ему нужно оставаться Манхэттеном.

Едва его пальцы касаются кредитной карты, как он ощущает всплеск той же странной энергии и сосредоточенности, что и на ФДР. Да.

– У земли есть цена, – бормочет он себе под нос, отвлекшись от окружившего его поля растущих, колышущихся белых колосьев. – Даже у общественной, вроде парка. Ведь собственность на землю – это всего лишь идея; нам не обязательно жить, подчиняясь ей. Но этот город был основан на этой идее и благодаря ей стал таким, какой он есть.

– *Пожалуйста*, скажи мне, что ты не свихнулся, – говорит

Бел, присевший на камне на корточках. – Нам нельзя обоим одновременно слетать с катушек. Мы только что вписались в аренду.

Мэнни поднимает на него глаза... и бросает на землю пятерку, прямо за кольцо вокруг камня. Он не слышит, а скорее чувствует внезапный глухой, пронзительный визг, доносящийся с места, куда приземлилась банкнота, и, не оглядываясь, понимает, что произошло. Банкнота *ранила* усики и заставила их отпрянуть от того места, где она упала на асфальт.

Бел потрясенно таращится на банкноту. Затем он лихорадочно вытаскивает из бумажника пачку разномастных купюр. У него есть евро, британские фунты, доллары США и даже несколько песо; Бел явно много путешествует. Он бросает одну из фунтовых банкнот. Она приземляется неподалеку от той, которую кинул Мэнни, но ничего не происходит.

– Я же сказал, отдай их мне, – говорит Мэнни, выхватывая пачку банкнот из трясущихся пальцев Бела. Странное чувство тут же усиливается; Манхэттен был возведен не только на оценке стоимости земли, но и на украденных ценностях.

– Я всего лишь пытаюсь помочь бороться с этой *чертовщиной!* – огрызается Бел. – О боже, они приближаются. Давай скорее, колдуй, как ты там хотел!

Мэнни начинает швыряться деньгами, сорить ими по краю белого поля, как какой-нибудь мот в дорогом клу-

бе. Он сразу же видит, что деньги помогают, но не сильно. Пятидолларовая купюра расчищает землю лишь под собой, не больше, и вскоре теряется среди соседних усиков. Евро и фунты тоже срабатывают, но их сила, похоже, зависит от номинала. Стодолларовая купюра расчищает землю не только под собой, но и примерно в дюйме вокруг. Банкнота в сто евро расчищает чуть больше – но всех вместе их хватает лишь на то, чтобы сдерживать натиск усиков и не дать ближайшим дотянуться до Мэнни. А если усики продолжают расти, то рано или поздно дотянутся до Мэнни вне зависимости от того, сколько еще дюймов земли он сможет отжать.

Вот оно что. Мэнни внезапно понимает: он попросту покупает землю вокруг памятника. Но ведь теперь она стоит гораздо больше шестидесяти гульденов.

– Бел, ты не знаешь, почему сейчас недвижимость на Манхэттене? Сколько просят за квадратный фут?

– Ты точно свихнулся.

Один из усиков повыше рассекает воздух и устремляется к бедру Мэнни, и он отбивает его двадцатидолларовой купюрой. Усик взвизгивает и шарахается в сторону.

– Мне правда нужно это знать, пожалуйста!

– Да я-то откуда знаю? Я снимаю квартиры, а не покупаю их! Может, тысячу долларов за фут? Две тысячи?

Мэнни с горьким стоном понимает, что в этом-то вся проблема. Недвижимость на Манхэттене ужасно дорогая, и у них не хватит наличности, чтобы расплатиться за собствен-

ные жизни.

В отчаянии он бросает свой «Амекс», и тот производит пока что самый заметный эффект, расчистив вокруг себя прямоугольник площадью с парковочное место. Похоже, у него неплохая кредитная история. У Бела, впрочем, карточек нет, а за площадкой, которую расчистил Мэнни, все еще колышутся усики... и у Мэнни осталась лишь дебетовая карта. Сколько у него там на счете? Ему никак не вспомнить.

– Хорошо, – довольно говорит дамочка. Мэнни с удивлением осознает, что позабыл о ней. Она улыбается, стоя среди густых зарослей мерно покачивающихся усиков, и по меньшей мере дюжина из них увивают ее голову и плечи. – Полицейские говорят, что уже едут. Может быть, раньше вам и сходила с рук наркота и извращения в публичном месте, но я не для того сюда переехала, чтобы мириться с подобным. Мы выживем вас отсюда, одного за другим.

Размышления Мэнни о ценах на манхэттенскую недвижимость затмевает внезапный ужас, от которого у него пересыхает во рту. Конечно, не факт, что полиция действительно приедет сюда; пусть Мэнни в Нью-Йорке всего лишь первый день, он уже видит, что Инвуд не из тех районов, куда копы приезжают на вызов оперативно – или вообще приезжают. Тем более что в городе недавно случилось чрезвычайное происшествие. Однако если они все же явятся сюда, то ступят на стремительно растущее поле белых усиков, окружающих Мэнни и Бела. А если один усик смог превратить

назойливую белую расистку в проводник для бестелесного экзистенциального зла, то Мэнни не хочет знать, во что превратятся зараженные сотрудники нью-йоркской полиции.

Он уже готовится кинуть свою дебетовую карту и отчаянно надеется, что на ней окажется хотя бы миллион долларов... когда внезапно до них доносится музыка, рвущаяся из динамика какого-то другого телефона.

«Нью-Йорк, Нью-Йорк, большой город больших надежд...»⁵

На таком расстоянии кажется, что эта мешанина исходит из консервной банки. Наверное, из айфона. Но в мешанине Мэнни разбирает хлопки и ритмичную музыку. Электронные барабаны и... как будто диджей крутит пластинку на пульте? Как в старом рэпе?

«Здесь тесно... И толпы людей...»

Мэнни резко оборачивается и видит, что по дорожке, ведущей к Шораккопочу, к ним направляется чернокожая женщина. Высокая и сильная, с величавой осанкой и округлыми бедрами, изгибы которых подчеркивает юбка-карандаш, чертовски ей идущая. Впрочем, привлекательность женщины – лишь отчасти заслуга стильной одежды, туфель на высоком каблуке и элегантно уложенных кудряшек, окрашенных в медово-русый цвет. По большей части дело *в ней самой*. Она приковывает внимание и своим видом напомина-

⁵ Песня «New York, New York», исполнители: Грандмастер Флэш, Мелл Мэл. (Прим. перев.)

ет не то генерального директора крупной компании, которая направляется на сверхважную встречу, не то королеву, которая просто где-то оставила своих придворных.

Затем Мэнни замечает, что она тоже держит в руках мобильный телефон. Однако камера на нем выключена, а из динамиков орет музыка. Песня чуть старше Мэнни, но он пару раз слышал ее и... *ого*. С каждым ударом синтезированных барабанов усики, заполнившие поляну Шораккопоча, вздрагивают все разом. Мэнни облегченно вдыхает; в тот же миг женщина ступает на замощенную часть, и усики отшатываются прочь от скорого шелканья ее каблуков. Те, на которые она наступает, начинают *кричать*, издают едва слышный, шипящий визг, корчатся в муках... а затем исчезают. Когда она направляет телефон вниз, те, что еще не успели убраться прочь, содрогаются от каждого ритмичного удара барабана, словно им больно. Затем они рассыпаются, не оставляя за собой ни следа, ни намек на то, что вообще были здесь. Усики рассыпаются *повсюду*.

«Здесь тесно... И толпы людей...»

Да. Пусть город и принимает приезжих вроде Мэнни с распростертыми объятиями, но потусторонним туристам, столь хамски паразитирующим на людях и подчиняющим их своей воле, он не рад.

– Нас пятеро, – бормочет Мэнни. Он знает, кто эта женщина – или, по крайней мере, что она воплощает.

Бел косо смотрит на него, затем качает головой:

– Дружище, я искренне надеюсь, что ты пьешь. После такого мне точно понадобится что-нибудь крепкое и при-
торно-фруктовое. – Мэнни смеется, не столько над шуткой,
сколько для того, чтобы дать волю накопившемуся адрена-
лину.

К тому моменту, когда хор заканчивает петь, усиков уже
нет и поляна стала прежней: деревья, трава, асфальт, фонар-
ный столб, камень, Бел и Мэнни, опустившиеся в полупри-
сед и приготовившиеся защищаться – хотя защищаться уже
и не от кого. Усики исчезли даже с шеи и плеч белой дамоч-
ки, которая теперь смотрит на них троих – в особенности
на черную женщину, – с растущим беспокойством. Однако
она продолжает снимать их на камеру.

Мэнни и Бел поворачиваются к чернокожей женщине.
Та наконец выключает музыку и убирает телефон в сумоч-
ку-шопер. (Мэнни с некоторым восхищением замечает, что
сумочка фирменная, от Биркин. Судя по всему, он из тех
парней, которые разбираются в дорогуших сумочках от Бир-
кин.) Женщина кажется ему знакомой, хотя Мэнни и не уве-
рен, что видел ее раньше. Возможно, дело в том, что они по-
хожи. Он жадно пожирает ее взглядом.

– Я так понимаю, вы двое еще не разобрались, как эта
ерунда работает, – обращается она к ним. Ее взгляд скользит
по Белу, затем по Мэнни и останавливается на нем. Она чуть
прищуривается. – А, значит, не двое. Только ты.

Мэнни кивает и сглатывает. Она такая же, как и он.

– Я, эм-м, ничего не знаю. А ты? – Он понимает, что это звучит глупо, но не может придумать вопрос получше.

Она приподнимает брови.

– Это зависит от того, о чем ты спрашиваешь. Стала ли я внезапно слышать какие-то голоса, которые несут откровенную чепуху? Да. Вижу ли я эти белые голубиные перья, которыми порос весь мой район? Тоже да. Но если ты хочешь узнать почему, то я даже представить себе не могу. – Женщина качает головой. – Мне пришлось уничтожить три такие полянки, только чтобы добраться до метро.

– Голубиные перья? – Впрочем, Мэнни понимает, что она говорит об усиках. Ему они кажутся больше похожими на щупальца морских существ, но и сходство со стержнем пера он тоже видит.

– Хуже наркочилеров, чем вы, нужно еще поискать, – говорит белая дамочка, качая головой. – И хватает же вам наглости так открыто говорить о той дури, что вы варите у себя в притонах.

Вдали слышатся сирены, но Мэнни не может понять, приближаются они к парку или просто случайно проезжают поблизости.

Чернокожая женщина переводит взгляд на белую.

– Вы что, действительно вызвали копов? Из-за того, что чернокожий и азиат прогуливались по парку? – У нее вырывается недоверчивый смешок. Однако, едва смех стихает, Мэнни подходит к белой дамочке и выхватывает телефон

из ее рук.

– Ох ты ж... – говорит Бел. Впрочем, это он от неожиданности, а не потому, что возражает. Дамочка ойкает и набирает в грудь воздуха, чтобы закричать, но прежде, чем она успевает хоть пикнуть, Мэнни подступает к ней и зажимает ей рот, закрыв ладонью нижнюю половину лица.

С губ чернокожей женщины срывается короткое ругательство, но затем она отходит чуть в сторону, чтобы следить за двумя тропинками, выходящими из леса. Белая дамочка, вместо того чтобы отстраниться, пытается схватить Мэнни за руку. Именно этого он и ожидал; дамочка явно не собирается уступать тому, кто, по ее мнению, не имеет права гулять в общественном месте и уж тем более вторгаться в ее личное пространство. Она не напугана, нет. Она лишь предполагала, что он не осмелится напасть на нее.

Что ж. Мэнни хватает одной лишь секунды, чтобы опустить руку и схватить дамочку уже за горло. Ее глаза расширяются шире.

– Не вздумай кричать, – говорит он.

Она делает вдох. Мэнни крепче сжимает руку и резким движением разворачивает их, заставив ее потерять равновесие. Теперь он стоит между ней и парочкой на траве, чтобы те не видели, что происходит. Впрочем, они не обращают на них внимания. Глядя на то, как они расположились и как двигаются, Мэнни подозревает, что они снимают на камеру, как занимаются сексом в общественном месте. Впрочем,

осторожность никогда не бывает излишней. Теперь, если они глянут в их сторону, то увидят лишь, что Мэнни стоит близко-близко к дамочке и они о чем-то негромко беседуют.

Женщина замирает, ее горло напрягается, но она все же сдерживает крик. Когда становится ясно, что она поняла намек, Мэнни ослабляет хватку. Он хочет лишь заставить ее помолчать, а не перекрыть ей кислород. Кроме того, ему стоит держать ее осторожнее, чтобы не оставить следы от пальцев. К таким делам нужно подходить искусно.

(Только откуда ему это известно? Боже.)

Когда она замирает, Мэнни как бы между прочим спрашивает:

– Разве наркодилеры не убивают стукачей?

Она судорожно вдыхает, глядя ему прямо в глаза. Вот *теперь* она напугана. Мэнни улыбается и свободной рукой листает содержимое ее телефона. Все очень мило, по-дружески. Просто один друг шмонает другого.

– Мне так про них всегда рассказывали, – продолжает Мэнни, просматривая сохраненные на телефоне файлы. Ага, нашел. Дальше – запущенные приложения. – Мы сами-то, конечно, никакие не наркодилеры. Но если бы мы вдруг ими оказались, то ты бы вряд ли остановилась рядом с нами и начала снимать. Ведь это было бы *небезопасно*, не так ли? Но мне кажется, что ты включила камеру именно потому, что не считала нас торговцами наркотой. Потому что увидела двух обыкновенных людей, которые гуляют по парку, и те-

бе не давало покоя, что мы вели себя беззаботно и ничего не боялись. И поэтому ты влезла в очень опасную ситуацию. Не дергайся.

Последние два слова щелкают как кнут, и дамочка застывает. Стоя к ней так близко, Мэнни хорошо чувствует, насколько она напряжена. И он с легкостью заметил, как она стала переносить вес, чтобы попытаться отпрыгнуть в сторону. Убедившись, что она больше не шевелится, Мэнни продолжает копаться в ее телефоне.

– Итак, давай посмотрим... ага, у тебя открыт «Фейсбук»⁶. Ведешь трансляцию? – Он смотрит ее настройки. – Похоже, нет. И приложений для резервного копирования у тебя тоже нет... – Он просматривает шапку ее профиля на «Фейсбуке», и его лицо растягивается в лучезарной улыбке. – Марта! Марта Блеминс. – Рукой он чувствует, как из горла дамочки вырывается горестный звук. – Какое невероятно красивое имя. И Блеминс – довольно редкая фамилия. Я смотрю, ты работаешь в «Ивент Флайт». Аналитиком рынка? Похоже, должность очень важная.

Теперь Марта Блеминс в ужасе. Она вцепилась в запястье Мэнни, но он чувствует, что ее руки дрожат, а ладони немного вспотели. Из одного глаза бежит слеза. Она близка к панике, и Мэнни удивляется, когда ей удастся выдавить из себя:

– Т-ты не можешь причинить м-мне вред, – дрожащим

⁶ Социальная сеть, принадлежащая организации Meta, признанная экстремистской на территории РФ.

голосом говорит она. – Т-тебе же б-будет хуже.

Мэнни чувствует, как на него накатывает огромная волна печали.

– Я *могу* причинить тебе вред, Марта, – говорит он. – Я знаю, как это делается, и я уже не в первый раз причиняю кому-то боль. Кажется... Кажется, я делал это довольно часто.

Внезапно он понимает, что это на самом деле так, и ему становится *тошно* от того, что из огромного серого болота забытых воспоминаний о прошлом к нему вернулось именно *это*. Мэнни чувствует, как ее пульс быстро стучит под его ладонью. Он уверен – такое обращение травмирует ее психику; ведь по сути своей это ограбление, хотя ее и не грабят. Она больше никогда не сможет спать спокойно в Нью-Йорке, никогда не пойдет на работу, не оглянувшись через плечо. Он влез к ней в голову и радостно машет из маленькой коробочки, где она хранит свои предубеждения об Определенных Типах Людей. Пусть эти предубеждения повлияли на ее отношение к нему еще до того, как он что-либо сделал, и пусть Мэнни никак не мог их опровергнуть, ему все же тошно от того, что он только что подтвердил сложившиеся у нее стереотипы.

Звук сирен стихает. Либо полиция проехала мимо, направляясь в другое место, либо они припарковались и идут сюда пешком. Пора уходить. Мэнни отпускает горло Марты, отступает назад, тщательно вытирает ее телефон о брючи-

ну и, придерживая его только за неровные края декоративного чехла, возвращает ей. Она хватается телефон и смотрит на Мэнни, онемев от шока.

– Всего хорошего, Марта, – искренне говорит он. Впрочем, ему приходится прибавить кое-что еще, чтобы она больше не представляла для них опасность. А для этого она должна считать его еще более опасным. Поэтому он говорит: – Надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Затем он отходит к одной из тропинок, которая ведет прочь от места, откуда доносился вой сирен. Бел потрясенно смотрит на него, но через миг идет следом. Чернокожая женщина вздыхает, но тоже присоединяется к ним, и Мэнни поворачивается, чтобы вместе с ними подняться на холм.

Марта остается на том же месте; она не издает ни звука и не оборачивается, чтобы посмотреть им вслед.

Они проходят парк почти до конца – полицейских пока не видать, – и наконец чернокожая женщина произносит:

– Я так понимаю, ты – Манхэттен.

Он моргает, выходя из задумчивости, и поворачивается к ней. Она уже успела вытащить из сумки злаковый батончик и поедает его.

– Да. Как ты догадалась?

– Шутишь? Умный, обаятельный, хорошо одетый и готовый хладнокровно душить других в переулках? – Она усмехается, а Мэнни пытается не показывать, насколько ему обидно слышать о себе такое. – Да на Уолл-стрит и в мэрии

таких парней пруд пруди. Хотя я думала, что ты будешь злее. Не остановишься на одних лишь угрозах.

«Я не всегда останавливался», – уныло думает Мэнни.

Бел издает какой-то звук, не то сглатывая, не то прокашливаясь.

– Так ты все-таки вспомнил, кто ты такой?

Когда Мэнни переводит взгляд на соседа, тот улыбается. Улыбка печальная и не касается его глаз.

– Я хочу сказать, ты снова стал похож на парня, с которым я разговаривал раньше. Резковатого такого.

Мэнни взвешивает в уме несколько ответов, затем говорит:

– Нет, не вспомнил.

– Не очень-то ты в этом уверен, приятель.

Он не уверен, но и говорить об этом не хочет. Чтобы отвлечься, Мэнни смотрит на чернокожую женщину и пытается угадать:

– Куинс? – Она смотрит на него с таким отвращением, что он тут же исправляется: – Бруклин.

Она смягчается.

– Да. Зовут меня, кстати, так же. Бруклин Томасон. Адвокат, хотя и больше не практикующий. Ушла в политику.

Ее на самом деле зовут Бруклин. И она *помнит*, кто она такая. Получается, что бы с ними ни произошло и что бы ни превратило их в то, чем они стали, Мэнни не должен был потерять память.

– Как ты узнала, – не сдержавшись, спрашивает он, – где меня искать? Как узнала, что нужно включить музыку? Почему *я* всего этого не знаю?

Она смотрит на него холодно, хотя от ходьбы вверх по склону у нее на лбу проступил пот. Мэнни вдруг понимает, что они заложили крюк по парку. Он с трудом ориентируется среди деревьев, но подозревает, что они движутся на юг и должны выйти из парка где-то неподалеку от... Дикман-стрит? Он помнит, что видел это место на карте в своем телефоне.

– Ты ведь не отсюда, да? – спрашивает она.

– Ну да. – Он смотрит на нее, желая понять, откуда она узнала и это. Ребята у вокзала, сдававшие в аренду велосипеды, приняли его за местного.

Она видит, что он в растерянности, и вздыхает. Ему мельком кажется, что ей не нравится разговаривать с ним, хотя он и не понимает почему. Может быть, дело в личной неприязни, или же она просто в целом не выносит мужчин, которые поднимают руку на женщин.

– Я не знаю, откуда все узнала. Просто чувствую, что нужно делать. Весь день так и провела, делая и думая полную бессмыслицу лишь потому, что она кажется мне правильной.

Мэнни медленно выдыхает, чтобы успокоиться.

– Да. У меня так же.

Бел уже успокоился, и его провинциальный акцент снова превратился в типичный британский.

– Как же я рад, что понятия не имею, о чем вы говорите. Звучит очень, эм-м, чревато.

Бруклин усмехается, но затем снова сосредотачивает все внимание на Мэнни.

– Я с самого детства... слышала... всякое, – признается она. – Шепот, чувства, образы. И ощущала тоже – подергивания, вздохи, прикосновения. Все началось так давно, что я уже даже не задумываюсь об этом. Было время, я отвечала. Никогда никому не рассказывала, что мои песни были серенадами городу, ведь не каждому нужно все знать.

Выражение ее лица становится каменным, и тогда Мэнни понимает, что ей не нравится вовсе не он – ей не нравится рассказывать о чем-то столь личном. Он кивает в ответ, пытаясь дать понять, что не станет использовать это против нее, но она лишь качает головой, все равно злясь, что ей пришлось открыться. Внезапно ее хмурое лицо снова кажется Мэнни знакомым. Он останавливается как вкопанный. Бруклин проходит еще шаг или два, затем с явной неохотой оборачивается. Вид у нее такой, словно она затаила дыхание и к чему-то готовится. Мэнни понимает, что не ошибся.

– Ничего себе, – говорит он. – Ты же Эм-Си Свободная.

– Чего-о-о-о. – Бел тоже останавливается и пялится на нее. – Чтоб меня, вы и правда она.

– Я – Бруклин Томасон, – отвечает она беззлобно, но твердо. – Эм-Си Свободная – это мой старый сценический псевдоним из времен, когда я была на тридцать лет моложе и на

тридцать фунтов⁷ легче. А сейчас я работаю в городском совете. У меня докторская степень, четырнадцатилетний ребенок и недвижимость, которую я сдаю в аренду. – Затем она вздыхает и уступает: – Но да, когда-то меня так звали.

– Боже мой, – с нескрываемым благоговением говорит Бел. – Да вы же величайшая из первых женщин Эм-Си. В Луишеме в то время *только вас* и слушали. Я вырос на ваших песнях.

Выражение лица Бруклин становится немного кислым.

– Всякий раз, когда кто-нибудь говорит подобное, у меня появляется очередной седой волос. Не заметил, что я их теперь крашу?

Бел морщится, поняв намек.

– Н-да, простите. Затыкаюсь.

На какое-то время они все замолкают, потому что подъем их утомил. Пока они шагают, Мэнни, повинувшись порыву, поднимает глаза на кроны деревьев. Здесь, в тени леса, прохладнее, чем на асфальтовых улицах и бетонных тротуарах. Так странно думать, что в этом лесу, вероятно, водятся дикие животные вроде енотов и, возможно, оленей или койотов. Он где-то читал, что они потихоньку возвращаются в некоторые районы города. Впрочем, здесь обитают и другие, кого тоже можно назвать животными. Скольких людей помимо Марты Блеминс здесь прижали и ограбили? Скольких избили, скольких зарезали, скольких изнасилова-

⁷ 30 фунтов ≈ 13,6 кг. (Прим. перев.)

ли? Голландцы изгоняли из города и его окрестностей целые деревни народа ленапе; и сколько индейцев при этом погибло? Сколько крови и страха впиталось в эту старую землю?

«Я – Манхэттен, – думает он, и на этот раз его постепенно охватывает отчаяние. – Каждый убийца. Каждый работорговец. Каждый арендодатель – владыка трущоб, отключивший отопление и заморозивший до смерти детей. Каждый биржевой маклер, нажившийся на войне и страданиях».

Такова правда. Впрочем, это не значит, что она ему нравится.

Вскоре они добираются до Дикман-стрит. Движение на улицах плотное, а это значит, что час пик уже начался. Занятия в школах заканчиваются, и по обеим сторонам улицы устремляются стайки детей, все примерно одного возраста. Когда Мэнни и его спутники выходят из парка, никто не обращает на них внимания. Если полиция и приехала на вызов Марты, то поблизости их не видно. Впрочем, учитывая, что сейчас творится у Вильямсбургского моста, они, скорее всего, даже не поехали сюда.

– Так что теперь? – спрашивает Мэнни.

Бруклин вздыхает.

– Представления не имею. Но вот что я тебе скажу: все эти странности начали происходить не просто так. – Она внимательно смотрит на него. – Ты ведь знаешь, что случившееся на мосту тоже имеет к этому отношение, да?

Мэнни удивленно смотрит на нее. Бел недоверчиво пере-

водит взгляд между ними.

– На Вильямсбургском-то? Хотите сказать, он рухнул из-за... – он машет рукой в сторону камня-памятника, – ...тех извилистых штукovin и той, *другой* женщины?

Бруклин хмурится, глядя на него.

– Какой другой женщины?

– Той, в которую ненадолго превратилась миссис Любопытная Паркер. Еще до того, как пришли вы. – Он слегка содрогается. – Никогда не видел большей жути, если не считать тех мерзких маленьких белых штукovin.

Бруклин недоуменно мотает головой, и Мэнни приходится все разъяснить. Он с трудом подбирает слова, чтобы описать, что они видели, однако после нескольких попыток ему удается передать, что дамочка, которую видела Бруклин, была лишь временным пристанищем для кого-то – или чего-то – иного.

– Она управляет этими штукovinaми, – говорит Мэнни, указывая себе на загривок. Бруклин тем временем переваривает все сказанное. – Я в этом уверен. И теми, что были на магистрали ФДР. Всем, к чему эти усики прикасаются.

– Что-то подсказывало мне сегодня не соваться на ФДР. Я все равно нечасто сажусь за руль и сегодня поехала на метро. – Бруклин вздыхает. – Так я тебя и... почувствовала. Даже не знаю, как это описать. Из-за происшествия на мосту чиновников города сегодня собрали на экстренное совещание в Вашингтон-Хайтс. Я собиралась уже ехать домой,

но что-то заставило меня вместо этого сесть на поезд в центр города. Чем больше я приближалась к тебе, тем сильнее становилась эта, гм, тяга. А потом я увидела, что ты в беде.

– Всего нас пятеро, – говорит Мэнни. Он видит, как до Бруклин доходит, что это значит, и она вздрагивает.

– Черт. Ты думаешь, что остальные трое тоже в беде. – Она хмурится, а затем медленно качает головой. – Слушай, я рада, что смогла помочь тебе, но... я на вторую работу не подписывалась. У меня ребенок и больной отец. Хочешь попытаться найти остальных – вперед и с песней. А мне пора домой.

Мэнни собирается заговорить, убедить ее, но затем замечает что-то краем зрения. Повернувшись, он смотрит на другую сторону улицы, на небольшой круглосуточный магазин на углу. Рядом с ним находится прачечная, любезно поставившая перед входом хлипкую скамейку. На скамейке сидит старичок, который держит на поводке маленькую собачку. Старичок поглощен беседой с женщиной, стоящей в дверях прачечной; они над чем-то смеются. Но собака не отрываясь, пристально смотрит на Мэнни и его спутников, и взгляд ее совсем не похож на взгляд животного.

Затем Мэнни приглядывается. Промеж когтистых пальцев собаки колышется полдюжины белых усиков, похожих на застрявшую во время прогулки призрачную траву.

Бруклин тоже их замечает.

– Да ты, блин, шутишь.

По коже Мэнни бегут мурашки, он смотрит на собаку и говорит:

– На ФДР случилось то же самое. Эти усики цепляются за все, что к ним приближается. . .

– И разносятся, как зараза, – выдыхает Бруклин.

Бел тоже смотрит на собаку. Он слегка щурится, словно ему трудно разглядеть усики, но затем морщится и его заметно передергивает.

– Я видел, как этот дедуля выгуливал свою собаку, пока мы бродили по парку. Если все, кто там сейчас побывал, эм-м, заразились, то, думаю, через день или два эта дрянь разнесется по всему городу.

Они ненадолго замолкают, переваривая сказанное.

– Белые отростки отвалились от той дамочки, когда я избавилась от остальных, – говорит Бруклин. Она хорошо это скрывает, но при виде собаки ее уверенность чуть пошатнулась. Собака дает понять, что они имеют дело с чем-то коварным и зловещим. – Когда я закончила, она варилась лишь в своей собственной злобе, и ни в чьей еще.

Мэнни вспоминает волну силы, которая разошлась от магистралю ФДР сразу после его выходки с такси. Теперь он догадывается, что это была энергия города: когда Мэнни больше не нужно было сосредотачивать ее в себе, она волной разошлась от него в стороны. Но как далеко ушла эта волна? Он не знает, но помнит, что она уничтожила все белые усики, которых коснулась.

Мощное оружие – если только Мэнни сумеет разобраться, как им пользоваться по необходимости. Он поворачивается к Бруклин:

– Слушай, я не могу заставить тебя помочь мне, но если придется действовать в одиночку, то мне бы не помешало пройти курс молодого ньюйоркца.

Бруклин моргает. Затем мир вокруг них вдруг снова раздваивается – и здесь, в другом, странном Нью-Йорке, Мэнни вдруг видит гораздо больше, словно поднялся над городом. Словно кто-то переключил масштаб с микро на макро. В ином измерении она нависает над ним, обширная, похожая на пеструю мозаику и очень плотно застроенная. Она не только старше, но и больше. Она во многом сильнее его; ее руки и тело покрывают мускулы районов, каждый из которых живет своим собственным ритмом и имеет свою репутацию. Вильямсбург – анклав хасидов и рай художников, превратившийся в рассадник хипстеров. Бед-Стай (шевелись или подыхай). Краун-Хайтс, где в наши дни погромы случаются только во время позднего завтрака из-за нехватки мест за столом. Она стискивает зубы с упрямой свирепостью старых гангстеров из Брайтон-Бич и рабочего класса из Рокавей, сопротивляющегося жестокому, неизбежному повышению уровня моря. Но в сердце Бруклин тоже высятся башни – пусть не такие величественные, как его собственные, и пусть некоторые из них – всего лишь воздушные, причудливые башенки парка развлечений на Кони-Айленде, но они

так же сверкают и так же рвутся в небо.

Она – Бруклин, и она могущественна. Незнакомка или нет, в тот миг Мэнни не может не любить ее. А затем она вновь становится обыкновенной женщиной средних лет, с сияющей, яркой улыбкой.

– Пожалуй, с этим я могу тебе помочь, – уступает она. – Наверное, *придется*, раз эта хрень распространяется. – Она переходит на просторечие и возвращается к более строгому языку так, словно меняет сумочки, с легкостью и всегда выбирая то, что идеально подходит ей в данную минуту. Мэнни впитывает все это, пытается прочувствовать ритм ее голоса и успеть заметить все детали. – Вот только не существует единого способа стать ньюйоркцем. Большинству нужен год, чтобы по-настоящему почувствовать зов города.

Вместо «только» Мэнни слышит «тока». Он внимательно следит за ее мимикой. Акцент слегка меняет звучание слов и добавляет им дополнительный смысл.

– Я постараюсь, только научи, – отвечает он, нарочно прозвоня «только» как «тока» и пробуя слово на вкус. Акцент не совсем ему подходит. Он бруклинский, а не манхэттенский. Но он лучше среднезападного, которым сейчас окрашен говор Мэнни и от которого он принимает осознанное решение избавиться. Ему здесь не место.

– Погоди, я позвоню родным, – наконец говорит Бруклин, вздыхая. – Скажу им, что домой приду поздно. А потом пойдем в какую-нибудь кафешку или...

В этот миг они вдруг оба что-то чувствуют. В другом мире Бруклин и Манхэттен расступаются – насколько вообще могут расступиться создания с фундаментами вместо ног – и освобождают место для кого-то третьего, чей силуэт возник на фоне сверкающей вспышки лучей заходящего солнца. В мире людей они переглядываются и одновременно, с южно-индийским акцентом, произносят:

– «Да ну, брось нести ерунду! Даже у Земли форма неевклидова. Просто расчеты будут другими! И никакой мистики».

Бел пораженно таращится на них.

– Ничего более жуткого я сегодня не видел. Если не считать инопланетных спагетти, которые подчиняют себе людей.

– Ладно, – говорит Бруклин. – Значит, ищем автобус. В паре кварталов отсюда есть остановка.

Мэнни кивает. Внутреннее чутье подсказывает ему, что им нужно поторапливаться, хотя он еще не настолько хорошо прочувствовал город, чтобы полностью понимать, что именно чувствует.

– Где?..

– Куинс, – говорит Бруклин. – Черт. Это была Куинс.

Ну конечно. Мэнни делает глубокий вдох, затем поворачивается к Белу:

– Думаю, тебе лучше пойти домой. Прости, но... Дальше начнутся странности. Еще более странные странности.

Бел покачивается на пятках и со свистом вздыхает.

– Для меня все и так уже слишком странно, так что да, я согласен. Ступайте с богом и все такое. – Он отходит и машет им. – Только постарайся, чтобы тебя не сожрали спагетти. Или заплати сначала аренду хотя бы за следующий месяц.

Мэнни невесело улыбается и кивает ему на прощание, затем поворачивается и догоняет Бруклин, которая направилась в сторону нужной автобусной остановки. Лишь когда они оказываются в одном квартале от Бела и зараженной усиками собаки, он спрашивает:

– А почему мы не ловим такси?

– Я не знаю, что сказать таксисту, – отвечает Бруклин. – Куинс огромен; там у нас не получится просто так взять и «почувствовать Силу». Сядем на маршрут Бруклин – Куинс и доедем на нем до пересечения с седьмым маршрутом. Общественный транспорт привел меня к тебе, так что, надеюсь, сейчас он нам тоже поможет. Раз уж я в это ввязалась. Эх, а я еще надеялась домой пойти. – Она вздыхает.

– Ладно. – План у них удручающе туманный. Но Мэнни прекрасно понимает, почему Бруклин шагает так быстро и почему они не ждут, когда их странная новая чуйка не подскажет ничего более определенного. Он ощущает внутреннюю дрожь, быстро нарастающее чувство, что им нужно спешить. Где-то там боро Куинс нашел свое воплощение в человеке, и этот человек в опасности. И если Мэнни и Бруклин хотят хоть чем-то ей помочь, то им нужно поспешить.

Вот только... Есть только одно «но». Мэнни почти уверен,

что они уже опоздали.

Глава третья

Наша леди (Статен) Айлин

«Время пришло».

Айлин Халихэн стоит посреди терминала Сент-Джордж паромной переправы Статен-Айленда и дрожит. Она стоит здесь уже двадцать минут и все это время дрожит. В зале есть пустые места, ведь сейчас еще день, час пик пока не начался, и паром не будет забит битком – однако, вместо того чтобы сесть, она расхаживает мимо панорамного окна. Дрожать все-таки лучше на ногах.

Терминал представляет собой большой, залитый светом зал, способный вместить в себя несколько сотен человек. В нем нет ничего страшного. Стены увешаны рекламой фильмов, которые Айлин не собирается смотреть, и косметики, которой она, скорее всего, не станет пользоваться. Люди, которые стоят или сидят вокруг нее, – это *ее* люди; она чувствует это нутром, хотя разум и возражает, когда ее взгляд скользит по лицам азиатов или когда до ее слуха доносится язык, не похожий ни на испанский, ни уж точно на английский. («Кечуа», – шепотом подсказывают ей новые обостренные чувства, но она не хочет этого слышать.) Впрочем, никто из *этих* к ней не пристаёт и вокруг полно обыкновенных людей, так что у Айлин нет причин быть такой на-

пуганной. Ужас не всегда приходит по веской причине.

По громкоговорителю что-то невнятно объявляют, и большие двери с одной стороны комнаты тут же распахиваются. За ними находится открытый пирс и паром, готовящийся отбыть в четырнадцать тридцать. Сотня человек, слоняющихся по терминалу, начинают стекаться туда, и Айлин запоздало пытается двинуться вслед за ними.

С первого же шага ей кажется, что она поступает неправильно. *Все* кажется ей неправильным. Обычно жители Статен-Айленда *уезжают* отсюда на пароме по утрам, отчего остров на время становится тише и безлюднее. Однако сейчас день. По всему городу – а *городом* всегда называют Манхэттен – тысячи жителей острова с нетерпением ждут окончания рабочего дня, ерзают на своих современных креслах и с тоской думают о месте, где еще остались леса, ранчо и почти нетронутые пляжи; где большинство семей живут в отдельных домах и ездят на собственных машинах, как нормальные люди. Айлин же покидает остров в то время, когда большинство хотят на него вернуться. Она плывет против течения, меняет полярность. И неправильность этого поступка давит на нее. По ее коже бегут мурашки. Но она все равно пытается переставлять ноги, движется вслед за толпой наперекор своим ощущениям. Через двери. Наружу, на причал, к парому. Она сама выбирает, куда ей двигаться по жизни! «Правильно» и «неправильно» существуют лишь в ее воображении.

Или... может быть, дело в другом. Может быть, это

не сильный встречный ветер, дующий с воды, почти заставляет ее остановиться. Может быть, это ее ноги налились свинцом, стали тяжелыми, как сваи и фундаменты. Может быть, кожу ее головы покалывает не из-за того, что волосы развеваются на ветру. Может быть, это остров – ее остров – тянет Айлин назад, пытается предупредить, потому что любит ее и боится за нее.

Или, может быть, у нее просто начинается паническая атака.

Она пытается бороться с ней и даже доходит до трапа, который ведет на паром. «Джон Ф. Кеннеди» – гласит надпись на рулевой рубке: так зовут ее мучителя. Интересно, а настоящий Кеннеди чего-нибудь страшился перед тем, как кто-то – мафия, если верить отцу Айлин, или сумасшедший, если верить ее матери, – вышиб ему мозги? Если она ступит на палубу, то отправится в город, где подобное случается регулярно. На Статен-Айленде люди тоже убивают друг друга, но в городе все по-другому. Там все совсем по-другому.

Если она ступит на этот корабль, то вернется совершенно другой.

Кто-то подталкивает ее, причем сильно.

– Эй, дорогу загораживаешь.

Если она ступит на этот корабль, не вернется ли она *неправильной*?

Кто-то другой кладет руку ей на плечо. На трапе так тесно, что этот кто-то врывается в нее, бурчит под нос ругатель-

ства, а толпа тем временем толкает их вперед, и этот человек случайно стискивает правую грудь Айлин. Ей не больно, и незнакомец явно сделал это случайно, но, когда она оглядывается, чтобы посмотреть, кто до нее дотронулся, ее взгляд упирается в чью-то черную кожу. Айлин кажется, будто она смотрит в черноту игрушечного шара предсказаний, и через секунду на нем всплывает надпись: «Вот теперь паникуй».

В ее сознании вспыхивает: «ПОШЕЛ ПРОЧЬ, РУКИ ПРОЧЬ, НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ, МНЕ НУЖНО ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА». Все мышцы ее тела неосознанно напрягаются. Теперь она движется против потока (наконец-то прислушавшись к желанию острова), отшатывается от одних ужасных незнакомцев, которые ее касаются, и врывается в других. Все это время она гадает, кто же это столь пронзительно кричит. Затем она запоздало узнает свой собственный голос. Люди вокруг нее замирают или шарахаются прочь, как от чокнутой, но они все равно слишком близко. Сдавливают ее. Она огибает их, уже направляясь к стеклянным дверям.

– Тише, тише, тише! – говорит кто-то, и Айлин кажется, что сейчас ее попытаются остановить. Кто же это? Она не позволит тому черному парню снова к себе прикоснуться.

Но за запястье ее хватается белая рука. Айлин не видит, чья она, но впивается ногтями в кожу, а затем вырывается из хватки. Кто-то вскрикивает – на этот раз не она, – а затем толпа расступается, и наконец, наконец Айлин свобод-

на. Она пробегает через стеклянные двери, через терминал. Из отдельной кабинки туалета выходит коп, он все еще застегивает свой ремень и держит под мышкой сложенный журнал. Он кричит ей вслед, и Айлин понимает, что должна остановиться. Отец столько раз повторял ей: «Убегают только преступники». И она ведь кого-то поцарапала, разве это не считается нападением? Она теперь преступница. Ее отвезут на остров Райкерс – на другой, гораздо более страшный остров, совсем не похожий на ее собственный. Ее увезут со Статен-Айленда, *заставят* сесть в полицейский катер и больше никогда не позволят вернуться...

– Но ведь никто не может заставить город сделать что-то, чего он делать не желает, – озадаченно произносит кто-то поблизости. Айлин смотрит налево и видит, что рядом с ней бежит женщина.

От удивления Айлин спотыкается. Женщина быстро выставляет руку, чтобы не дать ей упасть, они обе замедляются и останавливаются. Айлин с удивлением видит, что уже отбежала от терминала и оказалась меж двух автобусных остановок, которые выстроились рядом с ним. Прохожие пялятся на нее, и она вздрагивает от их взглядов, однако свежий воздух помогает ей выйти из порочного круга паники. Она сглатывает и начинает успокаиваться.

– Ну же, все хорошо, – говорит женщина, которая уже взяла ее за плечи. Она ободряюще улыбается, и Айлин успокаивается еще больше, глядя на ее бледное сероглазое лицо, об-

рамленное светлыми волосами, постриженными в стиле пикси. На ногах у женщины балетки, которые явно не мешают ей быстро бегать. Еще на ней белые джинсы, наверное модные, и точно модная белая блузка. Айлин, запыхавшись, бессловесно смотрит на нее, а женщина тем временем продолжает говорить: – Так ведь лучше, правда? Здесь нет ничего пугающего. Никаких кораблей. Никакой воды. Никаких нелегальных иммигрантов, которые тебя лапают. И никто не давит на тебя, не подначивает, чтобы ты пересекла гавань! К слову, я бы туда тоже не поехала. Манхэттен, конечно, прекрасен, но на этом юноше водится столько пчел.

Ее монолог звучит настолько бредово, что остатки паники, которую испытывала Айлин, рассеиваются. Манхэттен ведь неодушевленный остров, верно? А никакой не юноша. И... *пчелы*? Сама того не ожидая, Айлин хихикает.

Однако полностью обдумать сказанное она не успевает – у нее начинает звонить телефон. Айлин сильно вздрагивает. Женщина нелепым образом поглаживает ее по плечу – причем она делает это с тех пор, как они остановились, словно задалась целью вытеснить воспоминания о прикосновениях всех тех незнакомцев своими собственными, – однако, как ни странно, Айлин становится от этого легче. Она хватается за свой телефон и видит на экране: «Мэттью Халихэн (Папуля)».

- Где ты? – спрашивает он, когда Айлин снимает трубку.
- Вышла за покупками, – отвечает она. Врать у нее по-

лучается плохо, а отец всегда замечает, когда она пытается это сделать, поэтому Айлин всегда старается примешивать ко лжи правду. По пути к переправе она действительно зашла в продуктовый, чтобы купить чеснок. – Взяла кое-чего в продуктовом, сейчас просто хожу по магазинам. У тебя на работе все хорошо?

Пусть лучше он рассказывает о себе, а не думает о ней. Отец вздыхает, но уловка срabатывает.

– Как же меня достали эти *иммигранты*, – говорит он. На работе он всегда старается использовать приемлемые слова и выражения, а не те, которые говорит дома. Он объяснял ей, что это главная ошибка многих копов. Они не знают, как оставлять домашние слова дома, а рабочие – на работе. – Что за... *люди*. Сегодня утром пришлось арестовать одного парня. Сидит он в своей машине, да? Я и решил, что он наркоту толкает. Ничего не нашел, но документов у него при себе тоже не было, понимаешь? Так вот, пробиваю я номер его тачки и говорю, что буду звонить в иммиграционную службу. Просто чтобы его встряхнуть, понимаешь. Он делает вид, что ему по барабану. Говорит, мол, он пуэрториканец, а они, видите ли, *граждане*, начинает катить на меня бочку, говорит, что напишет в этом своем «Твиттере» о предвзятости полиции. – Айлин почти слышит, как отец закатывает глаза. – Ну я его и *обработал*. Прямо в камеру, за нападение на сотрудника полиции.

Превращать его возмущенные тирады в разговор – насто-

ящее искусство, и Айлин уже давно овладела им в совершенстве. Нужно зацепиться за последнюю фразу, задать подходящий по смыслу вопрос, а затем снова перестать его слушать. За прошедшие годы ей только так и удавалось освободить место для собственных мыслей.

– Нападение? Папуля, ты в порядке?

Судя по голосу, он удивлен, но и доволен ее вопросом, что хорошо.

– О... Нет, Яблочко. Не переживай за своего старика. Если бы он *и правда* на меня напал, я бы вколотил ему башку по самую задницу. Нет, мне просто нужно было что-то ему пришить. – Айлин почти слышит, как отец пожимает плечами. Затем он усмехается. – Он еще говорит, что слушал в машине музыку, нью-эйдж, расслаблялся. Ты можешь в это поверить? Что за люди.

Пока он возмущается, Айлин рассеянно кивает и смотрит по сторонам, пытаясь вспомнить, на какой же автобус ей нужно сесть, чтобы поехать от парома домой. Ее взгляд цепляется за странную женщину, которая все еще стоит рядом и рука которой все так же лежит у Айлин на плече. Айлин почти не чувствует прикосновения; ее нервные окончания как будто не замечают ни тяжести, ни тепла, которое должно исходить от женщины. А другую руку Айлин, ту, за которую ее схватил чернокожий парень на трапе парома, напротив, все еще покалывает. Неужели он что-то с ней сделал? Может быть, у него на руках был наркотик, и теперь тот впитывает-

ся в ее кожу? Отец предупреждал, что некоторые наркотики так и действуют.

Однако внимание Айлин привлекает жест, который время от времени повторяет женщина в белых одеждах, все так же не отходя от Айлин. Свободной рукой она прикасается к прохожим, идущим мимо них по тротуару, – не ко всем, а так, то к одному, то к другому, словно по-дружески, легонько похлопывает их по плечу. Они, похоже, даже не замечают этого. Но когда один мужчина останавливается, чтобы завязать шнурки, Айлин замечает нечто странное. Там, где женщина дотронулась до него, виднеется тонкий бледный росток, торчащий из ткани его футболки. Прямо на глазах у Айлин росток удлиняется, становится толще и наконец достигает в длину шести дюймов. Он возвышается над плечом мужчины и колышется на ветру. Он белый, толщиной примерно с шерстяную нить для вязания.

Ладно, это очень странно. Но еще страннее то, что белокурая женщина все так же стоит совсем рядом с Айлин, пока та ведет по телефону явно личный разговор. Может быть, она просто хочет убедиться, что с Айлин все в порядке.

Ее отец потихоньку успокаивается. Но стоит Айлин подумать, что она вот-вот освободится, как он прибавляет:

– Ну да ладно. Я просто услышал по нашим каналам предупреждение и подумал о тебе. – Айлин напрягается. «Нашими каналами» ее отец называет полицейское радио. – Говорят, девушка, по описанию похожая на тебя, нарушила об-

щественный порядок и напала на кого-то.

Айлин смеется в ответ – тоже уже по привычке. Она понимает, что ее голос звучит так, будто она нервничает. Он всегда так звучит.

– Разве на острове мало белых тридцатилетних шатенок?

Он тоже смеется, и Айлин расслабляется.

– Ну да. К тому же я и представить не могу, чтобы ты порезала кого-то ножом. – («Ножом?» – думает она. Впрочем, ногти у нее довольно длинные.) – Или села на этот паром.

Айлин невольно напрягается. Женщина в белых одеждах снова похлопывает ее по плечу, бормочет что-то умиротворяющее, но теперь это почти не помогает.

– Я могу сесть на паром, – слетает у Айлин с языка. – Если захочу.

На этот раз его смех раздражает ее.

– Ты? Да город сожрет тебя с потрохами, Яблочко. – Затем, будто услышав, как она обиделась, и сделав вид, что ему не все равно, он меняет тон голоса на более мягкий. – Ты хорошая девочка, Айлин, а город – не для хороших людей. Что я тебе всегда говорил?

Она вздыхает.

– «Все, что случается в других местах, случается и здесь, но здесь люди хотя бы *пытаются* быть порядочными».

– Верно. А что еще?

– «Оставайся там, где ты счастлива».

– Правильно. Если город когда-нибудь станет местом, где

ты счастлива, езжай туда. Но пока это место здесь, оставайся дома. Нет ничего плохого в том, чтобы оставаться дома.

Да. Она повторяет себе это каждый день своей взрослой жизни, чтобы оправдать то, что она, взрослая женщина, до сих пор живет дома с родителями. Это ложь. Она одинока, стыдится этого и все еще не утратила надежды на интересную, изысканную жизнь, которую когда-нибудь где-нибудь начнет. Но ей нужна эта ложь, особенно сейчас, после провальной попытки сесть на паром.

– Ну да. Спасибо, папуля.

Айлин знает, что он улыбается.

– Скажи маме, что я сегодня буду поздно. С арестами столько бумажной волокиты. Что за чертовы люди. – Он вздыхает так, словно пуэрториканец нарочно родился с небелой кожей и слушал нью-эйдж только для того, чтобы Мэттью Халихэн опоздал на ужин, и вешает трубку.

Айлин убирает телефон, снова вешает свою сумочку на плечо и берет себя в руки... точнее, пытается. Странная женщина все еще держит ее за плечо и при этом слегка хмурится, словно недоумевает, как ее рука там оказалась. Айлин тоже косится на руку женщины.

– Эм-м, что-то не так?

– Что? Ой. – Женщина наконец убирает руку и улыбается. Улыбка получается слегка натянутая. – Все в порядке. Просто мне, судя по всему, придется пойти трудным путем. – Затем ее улыбка становится шире и искреннее. – Но я уверена,

что не ошиблась в тебе.

Айлин внезапно начинает чувствовать себя неуютно. Женщина не кажется ей опасной, но с ней явно что-то не так.

– Что значит – не ошиблись?

– Ну, во-первых, я не смогла пометить тебя. – Женщина скрещивает руки на груди, отворачивается от терминала парома и смотрит на скопление высоких офисных зданий и многоэтажных жилых домов, которыми богата эта сторона острова. – У тебя нужные наклонности, однако ты уже слишком тесно связана с сущностью этого места – и это несмотря на то, что город родился только этим утром. Он не дает притянуть тебя ко мне. Теперь ты даже *пахнешь* как город, а не как обычный человек. – Она пожимает плечами. Айлин озадаченно осмысливает сказанное, а затем украдкой наклоняет голову, чтобы понюхать свою подмышку.

Женщина бормочет себе под нос, глядя на невыразительный силуэт Сент-Джорджа.

– Я со времен Лондона не сталкивалась с такими сложностями. Обычно изолировать отдельные векторы гораздо проще. Конечно, городская морфология непредсказуема, однако за его эпигенетическими проявлениями и метаболическими потоками все же можно проследить. Но этот город... – Она качает головой и морщится. – *Слишком* многие жители Нью-Йорка стали неразрывно с ним связаны. Коэффициент аккультурации здесь опасно высокий.

Внезапно голова женщины поворачивается к Айлин. Пря-

мо как на шарнире. Так и кажется, будто мышцы ее шеи – это моторчики, или шкивы, или какой-то другой механизм. Вид у женщины задумчивый.

– Ты уже знаешь, кто ты?

– Эм-м, я не... Хм... – Айлин снова оглядывается. На какой же автобус ей надо сесть? Их так много, и они все похожи. Наверное, ей просто стоит выбрать какой-то один и пойти к нему. Что-то в этой женщине наводит Айлин на мысль, что ей нужен путь к отступлению. – Простите, но я, кажется, не...

В один миг – оглядываясь назад, Айлин ясно это вспомнит – внимание женщины в белых одеждах переключается. До этого она была как будто... не совсем здесь. Под умиротворяющими улыбками скрывалась отчужденность и... натужность каждого действия, если так можно сказать. Однако в мгновение ока женщина вдруг оказывается *здесь* и становится чем-то бóльшим. Теперь она грозно нависает над Айлин. Она всего на несколько дюймов выше нее, но этих дюймов достаточно, чтобы Айлин полностью оказалась в ее тени. Женщина улыбается, и Айлин чувствует себя маленькой, забытой, беспомощной и ужасно одинокой.

Но почти в тот же миг в ней пробуждается *то другое чувство*. То, которое она испытала сегодня утром, когда мыла посуду после завтрака и размышляла о любовном романе «Тайна шотландки», который читала перед сном. И, может быть, она немного фантазировала, представляла себя

сильной, волевой дворянкой из Хайленда, которая тайком спит с красивым заморским конюхом. Сам конюх не чернокожий – черный у него лишь пенис, и то не полностью (его головка – розовая, и Айлин точно не знает, авторская ли это выдумка или такое действительно бывает).

Тогда, соскребая со сковородки пригоревшую яичницу и вспоминая эротическую сцену из предыдущей главы, Айлин вдруг услышала в своей голове крики. Грубые, вульгарные, *гневные* крики, настолько переполненные яростью, что услышь она их ушами, то ни за что не смогла бы разобрать слов. Они больше походили на поток бессвязного гнева. Однако, слыша их в своей голове, Айлин не только понимала слова, но и *знала* их, и *чувствовала*. Она хотела сражаться так же, как и тот, кто их произносил, – а он точно в тот миг где-то сражался. И она каким-то образом это поняла. Чужая агрессия наполнила ее столь ужасной, всепоглощающей яростью, что она пошла в свою комнату и разорвала на части подушку. На нее это было не похоже, совсем. Айлин никогда не отвечала ударом на удар. Однако этим утром она порвала подушку и, поднявшись среди перистых ошметков, ощутила сильнейшее желание отправиться в город. На волне той ярости она ощутила себя настолько сильной, что впервые за многие годы попыталась это сделать.

И потерпела неудачу. Снова.

Однако теперь Айлин опять чувствует, как в ней пробуждается тот странный гнев и та сила. Да кто такая эта женщина

и как она смеет смотреть на нее сверху вниз? Ей здесь не место, Айлин это знает. Пусть Айлин и боится города, но Статен-Айленд – это *ее* остров, и она не потерпит, чтобы кто-то *грозно нависал* над ней на ее же земле.

Но прежде чем Айлин успеваеет открыть рот и пролепетать сокрушительное: «Пожалуйста, уйдите, иначе я сейчас позову полицию», – Женщина в Белом наклоняется поближе и с ухмылкой смотрит на нее.

– Ты – Статен-Айленд, – говорит она.

Айлин вздрагивает. Ее удивляют вовсе не слова, а то, что их произнес кто-то другой. Женщина тихонько смеется, ее глаза бегают, разглядывая лицо Айлин, словно впитывая ее потрясение. Затем женщина продолжает:

– Забытый и презираемый, когда о нем все же вспоминают. Тот боро, который никто, даже его жители, не считают «настоящим» Нью-Йорком. Однако же поглядите! Каким-то чудом, несмотря на их пренебрежение и презрение, ты смогла развить достаточно самобытную культуру и пережить рождение. Сегодня утром ты услышала, как остальной город воззвал к тебе. *Разве нет?*

Айлин отступает на шаг. Просто чтобы освободить личное пространство.

– Я не... – Но ведь так все и было. Она *слышала*. Она слышала грубый, непокорный, требовательный призыв и даже попыталась ответить на него. Так она и оказалась у парома. Она замолкает на середине фразы, потому что ей не нужно

ничего говорить. Женщина в Белом знает Айлин так же хорошо, как Айлин знает свой остров.

– Ох, бедняжка, – говорит Женщина, и выражение ее лица сменяется с алчного на ласковое так быстро, что гнев Айлин испаряется. Остается лишь быстро растущее беспокойство, вызванное присутствием этой женщины. – Волей-неволей ты чувствуешь правду... но ты одна среди ее просторов, верно? Одна маленькая автотрофа, плывущая среди зеленого моря себе подобных, убежденная в собственной незначительности, даже несмотря на то что ты угрожаешь существованию сотни миллиардов реальностей. Я бы пожалела тебя, не будь ты так опасна.

– Я... – Айлин выпучивает глаза. Автотрофа? Она что, выдумывает слова? Похоже на «автотрофы» в единственном числе. Боже, неужели эта женщина только что назвала ее *одноклеточной*?

– И теперь тебе придется жить этой правдой, – продолжает Женщина. Она больше не возвышается над Айлин, по крайней мере, не так сильно, однако исходящая от нее снисходительная участливость нравится девушке ничуть не больше. Айлин тарашится на нее, все еще пытаюсь понять, оскорбиться ей или нет. Женщина наклоняется еще ближе. – Поэтому ты и боишься парома. Половина людей на этом острове ежедневно испытывают ужас от того, что им нужно пересечь гавань. Они знают, что на другой стороне их ждет вовсе не власть и не шик, который мы видим отсюда, а отвра-

тительная работа, мизерный заработок, задающиеся, накачаные бариста, воротящие нос, когда их просят приготовить самый обычный кофе, и чопорные узкоглазые сучки, которые едва говорят по-английски, но получают семизначные барыши, рискуя *твоим* «Фор-о-уан-кей»⁸, и феминистки, и евреи, и транс, и н-н-н-негры, и *либералы*, либерасты повсюду, стремящиеся сделать этот мир безопасным для извращенцев всех разновидностей. А вторая половина острова – *это и есть* те самые бариста, узкоглазые и феминистки, стыдящиеся того, что они не могут позволить себе жить там и навсегда покинуть Статен-Айленд. *Ты – это они*, Айлин! Ты несешь в себе страх и недовольство полумиллиона человек, так что же удивительного в том, что часть тебя хочет с воплями сбежать от этого?

К этому времени Женщина уже не просто грозно возвышается над ней. Она размахивает руками, говорит наигранным шепотом, громким, как крик, ее ноздри раздуваются, глаза бешено выпучены. И Айлин реагирует точно так же, как и всегда, когда кто-то высокий и громкий начинает кричать: она сжимается в комок и отстраняется, однако Женщина подается вперед и хватает ее обеими руками за ремень сумочки.

Когда поток слов иссякает, а Женщина умолкает и закрывает рот, на котором блестят капли вспенившейся слюны,

⁸ Фор-о-уан-кей, 401(к) – самый распространенный в США пенсионный план. (Прим. перев.)

Айлин выпаливает первое, что приходит ей в голову:

– Я... У меня нет «Фор-о-уан-кей».

Женщина в Белом склоняет голову набок. Становится чуть менее грозной.

– Что?

– В-вы сказали... – Айлин сглатывает. Она не может повторить то слово здесь, у парома. Ведь это домашнее слово. – Вы сказали, эм-м, что азиатки отнимают наши «Фор-о-уан-кей». Но у меня... у меня его нет.

Женщина в Белом долго смотрит на нее. Похоже, она впервые услышала нечто более безумное, чем говорила сама. Через секунду она раздражается смехом. Ужасным смехом. Довольным, но ужасным, пронзительным, резким, с интонациями, напоминающими Айлин злых девочек в старшей школе или хихиканье мультяшной ведьмы. Прохожие отшатываются от женщины и смотрят на нее так, словно услышали нечто потустороннее.

Однако через миг Айлин понимает, что тоже улыбается. Самую чуточку. Затем хихикает, когда напряжение улетучивается. Смех более чем заразителен. И Айлин заражена. Благодаря ему они сближаются. В следующую секунду она и Женщина в Белом уже хохочут вместе, так сильно, что у Айлин на глаза наворачиваются слезы, и так свободно, что в этот прекрасный миг все ее заботы кажутся сущим пустяком. Так, будто они – закадычные подруги.

Когда смех стихает, Женщина в Белом с сожалением вы-

тирает один глаз.

– Ну надо же. Как прекрасно. Должна признать, когда все заканчивается, я скучаю по этой вселенной. Она отвратительна, но и свои маленькие радости в ней есть.

Айлин все еще улыбается, упиваясь эндорфинами.

– Вы хоть когда-нибудь говорите что-нибудь, ну, нормальное?

– Никогда, если можно этого избежать. – Легко вздыхая, Женщина протягивает Айлин руку. – Но я хочу тебе помочь. Пожалуйста, скажи, что позволишь мне помочь тебе.

Айлин машинально принимает руку помощи. Но хмурится.

– А, хм, с чем вы хотите мне помочь?

– Справиться со всем этим процессом. Я уже сотни раз видела, как тебе подобные проходят через него, и это всегда... непросто. Ты мне *нравишься*, Айлин, маленький островок, и если тот первый, главный аватар наконец очнется, с тобой произойдут ужасные вещи. Он – чудовище. Я хочу спасти тебя от него.

После приступа смеха Айлин чувствует себя легче, мыслит яснее, и она понимает, что Женщина – сумасшедшая. Она всегда считала, что сумасшедшие в основном водятся в городе – бездомные наркоманы и насильники с растрепанными дредами и (как ей кажется) язвами от вшей и венерических болячек. Женщина хорошо одета и умыта, но в ее глазах виден нездоровый блеск, а ее светлый, жизнерадост-

ный голос звучит фальшиво. Настолько жизнерадостных людей не бывает. Она явно Не Отсюда. Может быть, она тоже иммигрантка... легальная, конечно. Может быть, она из Канады и сошла там с ума от холода и общедоступного здравоохранения.

Однако Айлин нравится эта сумасшедшая. Кроме того, Женщина сказала, что хочет помочь ей, и она откуда-то знает о странных голосах в голове Айлин и о еще более странной тяге, приведшей ее к парому. Поэтому Айлин испытывает к ней больше сочувствия, чем обычно.

Так что она протягивает Женщине руку в ответ.

– Ладно. Меня зовут Айл... – Тут она замолкает, вспомнив, что Женщина уже знает, как ее зовут. Но откуда?..

– Статен-Айлин, – заканчивает Женщина и хихикает, как будто бы она – не тысяча первый человек, произносящий эту шутку. Айлин в очередной и не в последний раз жалеет о том, что ее родители выбрали американский вариант имени, а не его более мягкое ирландское произношение. Женщина хватает Айлин за руку и рьяно ее трясет. – Да. Рада знакомству – так ведь принято говорить, верно? Мы обе – сложные сущности, для которых имеют значение границы пространства, времени и плоти! Будем с тобой лучшими подружками.

– Эм-м. Ладно.

Женщина снова встряхивает руку Айлин, а затем практически отбрасывает ее.

– Теперь. Поскольку ты у нас натура, по всей видимости, сердобольная, давай начнем с того, что временно спасем этот локальный узел вашей общей реальности от уничтожения и полного стирания с грани бытия, да?

– Ну, мне вообще-то пора домой... Подожди, что? – Ей понадобилась секунда, чтобы осознать слово «уничтожение».

– Ты слышала о Происшествии на Мосту? – Как и «Женщина в Белом», в сознании Айлин эти слова уже стали произноситься с заглавной буквы.

– Конечно, но...

Женщина снова поворачивается к силуэту Манхэттена, дугой прочерченному над крышей паромного терминала. Мост, о котором они говорят, отсюда не видно, но последствия происшествия были заметны весь день по всей агломерации. Пока они стоят, над ними проносятся три военных самолета, которые затем поворачивают, чтобы облететь Ист-Ривер. Женщина чуть подпрыгивает на месте.

– Знаешь, из-за чего упал мост? – говорит она Айлин. – Из-за меня! Я его обрушила. Совершенно случайно, конечно же. Целилась я в того мелкого мерзавца, в вашего главного. – Ее улыбка исчезает так же быстро, как и появилась. – Города всегда сопротивляются, когда я прихожу за ними, но обычно все проходит честно. Сила против силы, как и должно быть... но он начал швыряться в меня *идеями*. Я и подумать не могла, что ваш вид уже настолько развился, что

может использовать в бою заряженные абстрактные макроконструкции. Кому в голову могло прийти, что микробы станут бросаться атомными бомбами? Тогда я и поняла, что время действовать скрытно прошло.

Айлин, позабыв легкую тревогу, смотрит на женщину с потрясением и ужасом. «Террористка!» – кричит ее сознание... и тут же отвергает это. Террористы – это бородатые арабы, бормочущие что-то на гортанных языках и жаждущие насиловать девственниц. А эта женщина просто сумасшедшая. Так что она не могла разрушить мост... однако безумные люди все же могут быть опасными. Айлин решает подыграть ей, пока не окажется в безопасности.

– Вот как. Хм. Н-ну... ладно.

Голова Женщины в Белом снова поворачивается к ней.

– Я спала, – поясняет она. – Точнее, спала большая часть меня. Прежде, чтобы действовать в этом мире, мне требовалась лишь малая частица самой себя. Но обстоятельства сложились так, что я наконец смогла по-настоящему здесь закрепиться. – Она приобнимает Айлин за плечи, и та не успевает придумать, как бы ей вежливо отстраниться. – Видишь ли, не считая главного, вас пятеро. Пятеро потенциальных союзников. Пять слабостей, которыми я могу воспользоваться.

То, что говорит Женщина, *почти* обретает смысл. Айлин *почти* понимает... но в конце концов с досадой мотает головой.

– Что еще за «главный»?

– Главный аватар. Помоги мне найти его, и тогда ты станешь свободна.

– Свободна? Но я не...

Женщина уже идет и тащит Айлин за собой. Они направляются к автобусу, который искала Айлин, и девушка так потрясена этим, что не может заставить себя стряхнуть руку Женщины.

– Не свободна? Конечно же. Пока что ты – часть него. Хотя нет, не так; вы все – части друг друга. Наверное? Лучше я объяснить все равно не смогу. У вашей колонии автотроф, у этого *сообщества бактерий*, есть нукле... Хм-м, нет, постой-ка, у всех тебе подобных есть душа, так что аналогия неудачная. – Она нетерпеливо вздыхает. – Короче: вы шестеро важнее всех прочих. Это означает, что, найдя одного, я смогу найти остальных. – Она скалится, обнажив зубы. – И *его* в особенности.

Они подошли к автобусу и остановились у его открытых дверей. Судя по часам на телефоне Айлин, до отбытия еще три минуты. Впрочем, Айлин начинает беспокоиться, что Женщина в Белом захочет поехать с ней или даже навяжется к ней в гости. Она пытается придумать какое-нибудь оправдание, чтобы объяснить Женщине, почему ей туда нельзя.

– А теперь езжай домой, – говорит Женщина, к огромному облегчению Айлин. – Мне нужно позаботиться и о других делах. А пока мы не встретились вновь, подумай-ка вот

о чем. – Женщина наклоняется ближе, и Айлин едва сдерживается, чтобы не отшатнуться. Она заговорщически шепчет: – Почему остальные оставили тебя без защиты?

Вопрос больше похож на пощечину. Айлин сначала чувствует себя задетой, затем цепенеет.

– Ч-что?

– А то: я уже успела найти почти всех вас. – Женщина распрямляет пальцы руки и смотрит на свои ногти. Они длинные и изогнутые. – Бронкс полон сердитых, подозрительных людей, вечно ждущих, что им ударят в спину; она хитра, и мне придется подумать, как к ней подобраться. Манхэттен подкатил ко мне на крыше такси и представился. Дерзкий мальчик, хотя это и неудивительно. Бруклин, самоуверенная и нахальная, пришла к нему на выручку, когда я пыталась представиться ему. И этот проклятый Сан-Паулу все еще здесь, прячется, грубиян! Он наверняка сторожит главного, чтобы я не нашла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.